

ВѢСТНИКЪ МОДЫ

Иллюстрированный журнал

Моды, хозяйства и литературы.

„Вѣстнику Моды“ доставляютъ модные рисунки слѣдующіе парижскіе журналы: „Le Moniteur de la Mode“, „La Gazette rose illustrée“, „L'élégance parisienne“, „La France élégante“, „Le petit messenger de Modes“, „Le Caprice“, „La Modiste universelle“, „La Sylphide“, „Le Moniteur des dames et demoiselles“, „Le Bon Ton“, „La Corbeille“ и др. Исключительное право собственности на рисунки этихъ журналовъ въ Россіи принадлежитъ издателю „Вѣстника Моды“

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“

журналъ моды, хозяйства и литературы.

52 номера въ годъ.

(еженедѣльно).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I изданія. (2 рас. кар.)

На годъ: 3 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 3 р. 50 к. въ Москвѣ и 4 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—2 р.—2 р.—и 2 р. 50 к.

II изданія. (12 рас. кар.)

На годъ: 4 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 4 р. 50 к. въ Москвѣ и 5 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—2 р. 50 к.—2 р. 50 к.—и 3

III изданія. (36 рас. кар.)

На годъ: 7 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 7 р. 50 к. въ Москвѣ и 9 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—4 р.—4 р.—и 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, въ С.-Петербургѣ, на углу Бол. Итальянской и Бол. Садовой, д. Крафта и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», на Кузнецкомъ мосту, домъ Третьякова.

СОДЕРЖАНІЕ: Описаніе модныхъ рисунковъ. — Модная хроника. — Описаніе раскрашенной карт. № 13. — Практическіе совѣты. — Октавія, историческій романъ, В. Валлотъ; (съ измѣнкою, окончаніе). — Хорошенькая дигарка, (съ англійскаго, продолженіе). — Загадочное убійство, К. Грина, (съ англійскаго). — Живопись по атласу и шелку. — Женщина передъ добрымъ судомъ. — Смѣвъ. — Женская хроника. — Кухня.

Описаніе модныхъ рисунковъ и рукодѣлій.

1. Шляпа для визитовъ. Изъ вышитого газа муссъ; поля изъ золотого гипюрового волана, подъ которыми посажена группа кокъ изъ бархатныхъ лентъ. На лѣвой сторонѣ перья фантазія.

2—3. Накидка на пианино. Къ этой работѣ мы даемъ два рисунка. Рис. 2 изображаетъ накидку положенную на

1. Шляпа для визитовъ.

пианино. Рис. 3 изображаетъ вышивку въ настоящую величину. Фонъ изъ плюша цвѣта мха (mousse), апликасьонъ изъ краснаго сукна, съ вышивкой краснымъ шелкомъ темнѣе сукна. Сначала нужно начертить всѣ фигуры узора, на плюшѣ потомъ вырѣзать ихъ изъ бумаги, наложить на сукно, и снова вырѣзать. Затѣмъ вырѣзанныя суконныя фигуры накладываютъ на соответствующее мѣсто на плюшѣ, и обметываютъ по контуру фестоннымъ швомъ. Вѣтки вышиваютъ цѣпочкой и елочкой. Нѣкоторые цвѣты вышиваются гладью. Нервы—цѣпочкой. Полоса плюша подбивается шелкомъ и обшивается короткой бахрамой подъ цвѣтъ.

4. Экранъ въ стилѣ Людовика XVI. Оправа изъ орѣха подъ воскъ и позолоты. Средина экрана изъ атласа, вышитого шелками увядшихъ колеровъ.

5—7. Портфель для рисунковъ. Къ этой работѣ два рисунка. Рис. 5 изображаетъ портфель готовымъ на подставкѣ чернаго дерева въ видѣ попугая. Рис. 7 изображаетъ узоръ портфеля въ настоящую величину. Вышивка гладью и рельефъ, представляетъ вѣтку розовыхъ цвѣтовъ (vieux rose) съ листьями верь гри соль (vert gris saule) и верь моръ (vert mort). Вырѣзаютъ два куска плюша цвѣта мха, и на одномъ изъ нихъ переводятъ рисунокъ. Затѣмъ ихъ прилаживаютъ на кускъ картона, вырѣзаннаго зубцами. Внутри есть три подвижные листа, сложенные одинъ сверху внизъ, другіе съ боковъ въ средину, такъ чтобы закрывать рисунки, и предохранять ихъ отъ пыли. Листы эти изъ стеганнаго небесно-голубаго атласа.

6. Японская этажерка. Изъ бамбука и лака, 1 м. 25 с. вышины, 50 сант. длины и 26 с. ширины, очень изящная и практичная для гостиной.

8. Ночная рубашка. Спереди пластронъ изъ мелкихъ складокъ, вышитыхъ прошивкомъ и воланомъ. Воротъ вырѣзанъ слегка шалью, и обшитъ вышитой полосой, спускающейся вдоль переда. Прямой рукавъ кончается плиссированной перкалевой обшивкой и вышитымъ воланомъ.

9—10. Траурный капотъ. Дно изъ англійскаго крепа вышитого гладью цвѣточками. На контурѣ три креповыя плиссэ. Спереди бантъ изъ эпингле (épinglé) откуда выходитъ пучокъ стеклярусныхъ листочковъ. Бриды креповыя.

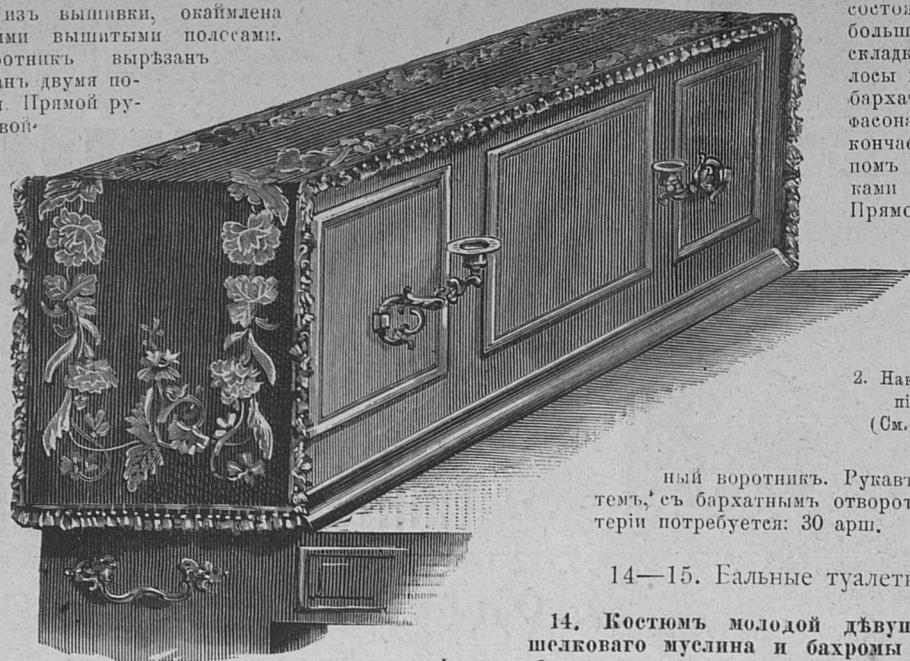
11. Шляпа изъ золотой соломы, поля обшиты бархатнымъ бронзовымъ бѣзъ въ 12 сантим. тудля почти совершенно покрыта бронзовой этаминовой драпировкой, украшенной большой птицей. (80 сантим. этамина во всю его ширину).

11 bis. Шляпа Жюйэ дрилль. (joues drille). Изъ бронзоваго бархата съ мягкой тулей и съ приподнятыми кругомъ полями. Большое бархатное бульоно падаетъ на лѣво, схваченное красной бархатной лентой. Отдѣлка изъ букета перьевъ на верхушкѣ, съ птицей фантазія у его основанія. (См. № 20).

12. Ночная рубашка. Изъ тонкаго перкаля. Передъ плесированъ группами складокъ различной величины.

Средняя пата изъ вышивки, окаймлена двумя маленькими вышитыми полессами. Отложной воротникъ вырванъ шалью и отдѣланъ двумя полессами вышивки. Прямой рукавъ отдѣланъ двойнымъ вышитымъ воланомъ и маленькой перкалевой обшивкой.

13. Туалетъ для обѣда. Фальшивая

2. Накладка на пианино (См. рис. 3).

ный воротникъ. Рукавъ съ локтемъ, съ бархатнымъ отворотомъ. Матеріи потребуется: 30 арш.

14—15. Бальные туалеты.

14. Костюмъ молодой дѣвушки изъ шелковаго муслина и бахромы марабу.

Фасовая юбка покрыта драпированной юбкой, обшитой полосой марабу или вышитымъ зубцами тюлемъ. Драпировка заворачиваетъ на лѣво; направо находится вставка изъ плесированнаго муслина, собранная внизу и обшита полосой марабу или тюля. Сзади, муслиновая драпировка. Корсажъ со шнипомъ спереди и сзади; спереди отдѣланъ завязками изъ атласныхъ лентъ, сверху увеличивающихся въ объемъ. Воротъ обрамленъ муслиновой драпировкой и обшитъ полосой марабу или тюля. Рукавъ съ разрѣзомъ сверху и связанъ атласными лентами. Въ волосахъ пучокъ изъ розовыхъ перьевъ. Розовые атласные чулки и атласныя ботинки. Матеріи потребуется: 30 арш.

15. Костюмъ изъ кружева и чернаго мервелье.

Фальшивая юбка кончается трубчатымъ воланомъ, изъ мервелье покрытымъ кружевнымъ воланомъ. Кружевная юбка, подбитая мервелье, спереди задрапирована, а сзади образуетъ пучокъ. На правомъ боку спускается кокилье изъ кружевного волана, въ противоположную сторону отъ волана на пучокъ. Корсажъ изъ мервелье покрытъ кружевомъ; передъ отдѣланъ кружевной драпировкой въ видѣ фиши, кончающейся у шнипа. Сзади воротъ окруженъ маленькой драпировкой. Полуудлинные рукава безъ подкладки, съ кружевнымъ воланомъ въ видѣ сабо. Въ вырѣзѣ декольте букетъ розъ. Матеріи потребуется: 30 арш.

16. Туалетъ молодой дѣвушки.

Изъ легкой клѣтчато огненной и зеленой тафты и зеленога этамина. Фальшивая юбка покрыта юбкой бадие изъ клѣтчато тафты, вырванной зубцами по краямъ. Передникъ изъ этамина, очень кокетливо заложены многими складками, падаетъ низко направо и поднимается къ лѣвому бедру. Сзади юбка отдѣлана маленькимъ пучкомъ и большой бантъ изъ тафтиной полосы падаетъ на лѣвый бокъ. Корсажъ изъ тафты, спереди съ плесированнымъ пластрономъ изъ огненнаго мервелье съ стоячими складками. Внутри пластрона этаминовая шемизетка. Спина фасона портной, со шнипомъ, какъ и передъ. Прямой воротникъ изъ тафты. Рукавъ съ локтемъ, съ маленькой драпировкой. Матеріи потребуется: 28 арш.

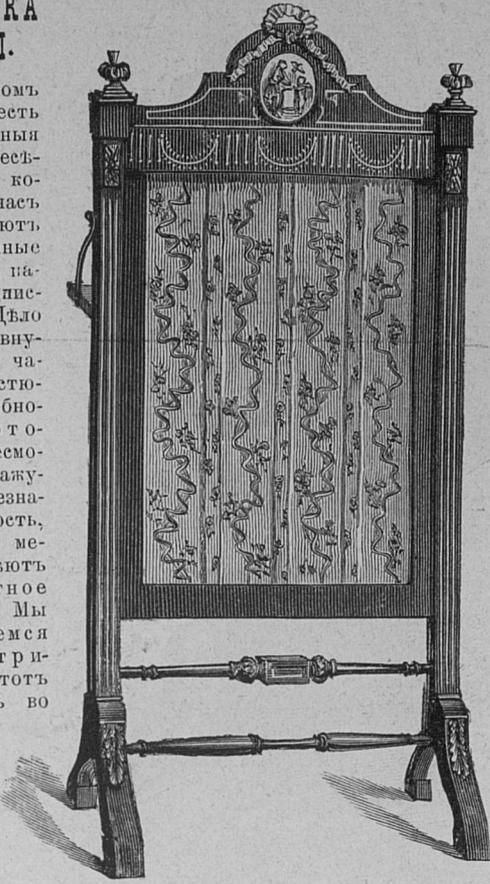

3. Накладка на пианино. (См. рис. 2.)

**ХРОНИКА
МОДЫ.**

Въ женскомъ туалетѣ есть интересныя тайны, безсодовать о которыхъ насъ вынуждаютъ безчисленные вопросы нашихъ подписчицъ. Дѣло идетъ о внутреннихъ частяхъ костюма, подробности которыхъ, несмотря на кажущуюся незначительность, тѣмъ не менѣе, имѣютъ известное значеніе. Мы не беремъ разсматривать этотъ предметъ во

4. Экранный въ листѣ Людовика XVI.

всѣхъ деталяхъ, но дадимъ лишь общія указанія, что въ этой области допускается хорошимъ тономъ, и что считается неприличнымъ, хотя, нужно сказать, что взгляды въ этомъ отношеніи вполнѣ зависятъ отъ положенія въ обществѣ и обстановки. Часто случается, что приданое молодыхъ дѣвушекъ равныхъ по состоянію, свидѣтельствуетъ, однако, о совершенной противоположности вкусовъ. Однополно кружевъ и роскошныхъ отдѣлокъ, но не изъ

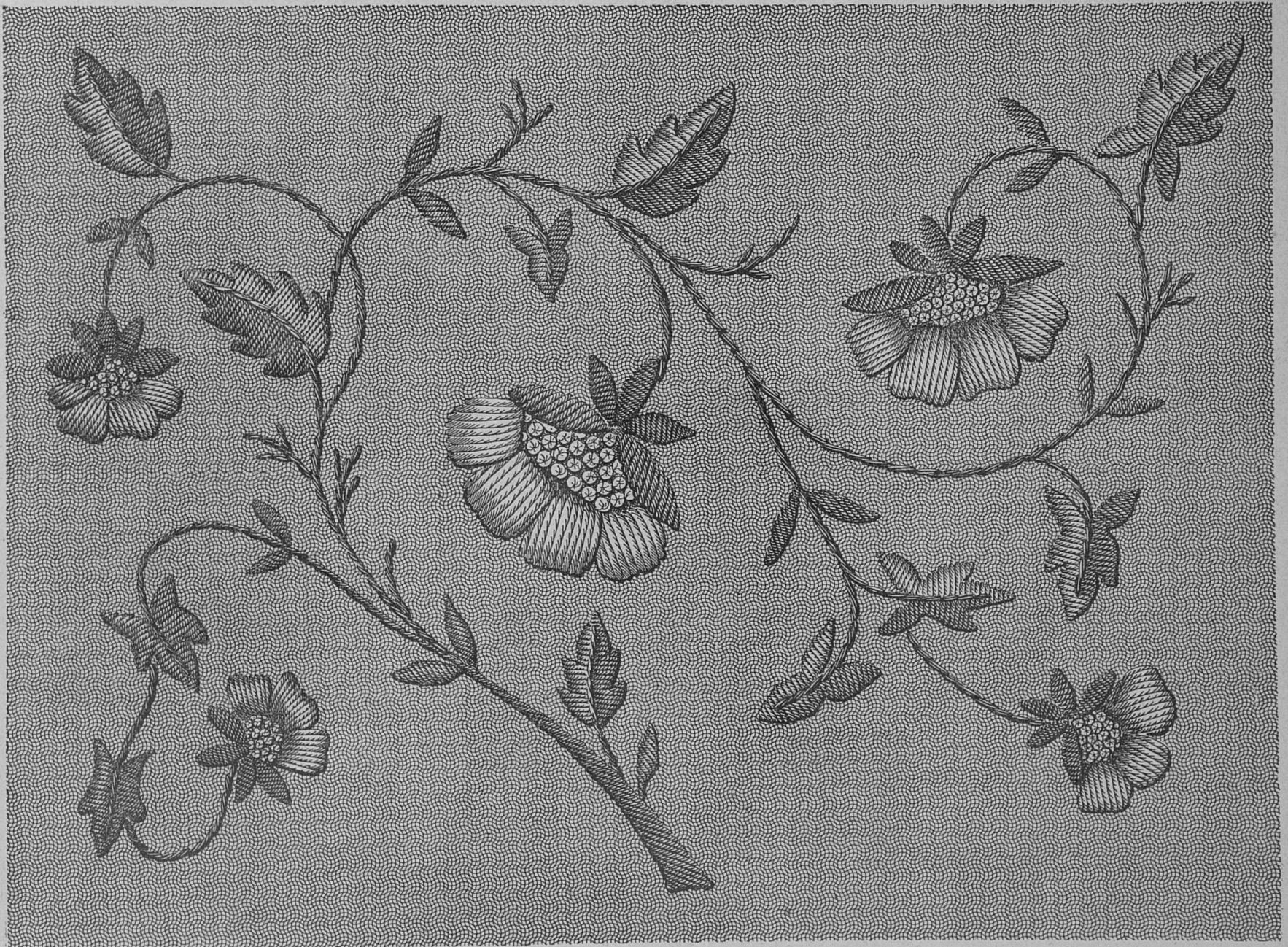
5 Портфель для эскизовъ. (См. рис. 7).

дорогаго матеріала; всюду бантики и ленты, на рубашкахъ, кальсонахъ, корсажахъ, даже юбки кулисированы разноцвѣтными атласными и фаявыми лентами и обшиты кружевами. Приданое нарядное,— вотъ все, что можно о немъ сказать. Другое, наоборотъ, носить строгій отпечатокъ. Все богато,

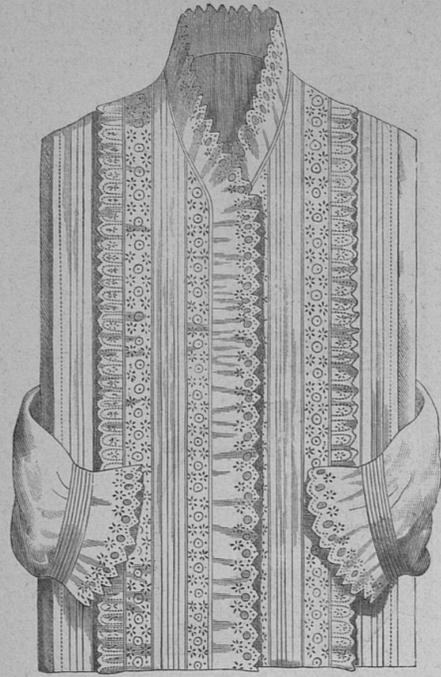

6. Японская этажерка

прекрасно, но чрезвычайно просто. На воротѣ рубашекъ нѣтъ волановъ, юбки безъ лентъ и бантовъ. Вышивки роскошны но просты, кружева строгі; все это стоитъ громадныхъ денегъ, но не тратится ни одного лишняго вершка. Отдѣлка почти всѣхъ вещей состоитъ только изъ валансена или гипюра. Изящество, сдержанность вкуса—вотъ характеръ этого послѣдняго приданого. Трудно установить правила для того, что позволено и что запрещается вкусомъ, но всякая свѣтская женщина угадываетъ, гдѣ граница, за которую не слѣдуетъ

7. Узоръ для портфеля. (См. рис. 5.)

8. Ночная рубашка.

тафтяномъ плиссированномъ пластронѣ макового цвѣта, обшитомъ двойной прошивкой; прирѣзанная на плечъ тафтяная лента пересѣкаетъ пластронъ, прихватывается надъво и спускается внизъ талии, откуда падаетъ пышнымъ бантомъ. Спина фасона портной, отдѣланная, какъ передъ, кружевными прошивками на лентахъ, въ видѣ бретель. Совершенно короткая баска исчезаетъ въ драпировкахъ тюника. Внизу передъ драпируются два маленькіе панье. Сзади, два длинные конца въ видѣ зачѣпыхъ ушей, схваченные посрединѣ и образующіе два острые угла. Прямой воротникъ изъ краснаго бархата. Рукавъ съ локтемъ съ прошивкой, наложенной на ленту. Матеріи потребуются:

Туалетъ для визитовъ изъ сисильна цвѣта полныи (absinthe), бархата табачнаго цвѣта и фуллара броне по фону веръ д'о (vert d'eau) (рис. 19 фиг. 2). На фальшивой юбкѣ слѣва вставка изъ фуллара, собраннаго сверху и обшитаго назадъ большой круглой бархатной вставкой. Съ другой стороны фулларовой вставки выхочить пологинице изъ сисильна; собранное пышно и драпированное на правомъ бедрѣ. Вторая складка изъ табачнаго бархата пришита сзади во всю вышину передника изъ сисильна, образующаго легкой шуръ и покрывающаго фальшивую юбку. Корсажъ изъ фуллара броне. Передъ застегнуть прямо и отдѣланъ плиссированнымъ пластрономъ изъ сисильна. Спина фасона портной съ легкимъ пишиномъ. Большая бархатная пата окаймляетъ лѣвую сторону баски; вторая пата сдерживаетъ складки драпировки у праваго бедра. Двѣ подобныя же паты проходятъ въ видѣ бретелей по плечамъ и соприкасаются въ срединѣ спины. Цагы прихвачены аграмантовыми пуговицами табачнаго цвѣта. Прямой бархатный воротникъ. Рукавъ съ локтемъ, съ патой въ

9. Траурный капотъ.

10. Траурный шляпъ.

11. Шляпа изъ золотой соломы.

видѣ отворота. Маленькій капотъ изъ кружева муссъ и букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Матеріи потребуются: 25 арш.

Туалетъ для пикировокъ.. Фальшивая юбка покрыта юбкой изъ макового фая, на которую падаетъ плотная шерстяная голубая сътка. Передникъ, собранный у лѣваго бедра, прихваченъ вдоль петель сътки англійскими аграманми, прирѣзанными къ юбкѣ. Справа, онъ открываетъ бедро и прирѣзывается немного позади возлѣ пуза. Пластронъ изъ макового фая, покрытъ съткой. Передъ корсажа расходуется на пластронъ въ видѣ куртки Фигаро, и отдѣланъ бархатнымъ отворотомъ и пряжками изъ красныхъ бархатныхъ лентъ. Бочки скруглены; спина фасона портной кончается коротко у талии, гдѣ пришита юбка. Корсажъ зашурованъ на спинѣ. На юбку падаетъ драпировка, сдерживаемая сверху и скругленная внизу. Свѣтчатый передникъ заканчивается шерстяной бахромой. Рукавъ съ локтемъ, съ бархатнымъ отворотомъ. Шляпа изъ англійской соломы, приподнята слѣва и подбита бархатомъ. Тисненная этиминовая драпировка вокругъ тульи и пуза изъ цвѣтовъ на верхушкѣ. Матеріи потребуются: 30 арш.

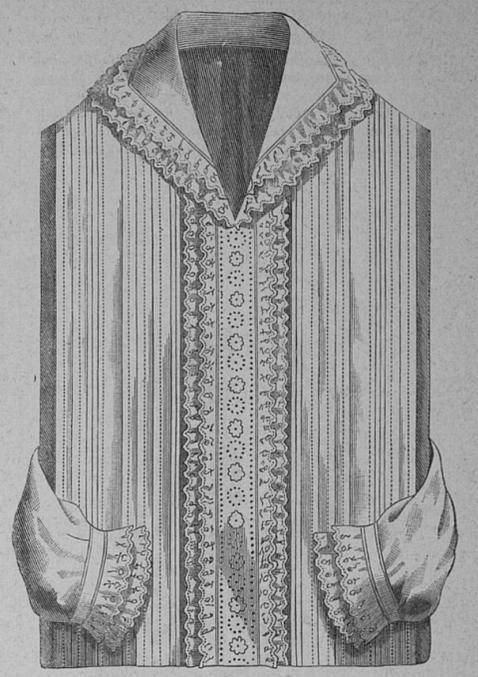

Описание раскрашенной картины № 13.

(Приложение по II и III изданиямъ).

Дѣтскіе туалеты.

1. Костюмъ мальчика 9—10 лѣтъ, изъ сукна гро веръ (gros vert). Короткіе панталоны, застегнутые сбоку. Блуза подъ цвѣтъ. Передъ и спина плиссированы и образуютъ

12. Ночная рубашка.

переходить. Съ настоящими раздутыми костюмами непременно нужно носить большую турнюру или снабжать юбку обручами. Предпочтительнѣе всего, конечно, юбка-турнюра, описаніе которой мы дали въ одномъ изъ предъидущихъ номеровъ. Она дѣлается изъ атласа или шерстяной матеріи, смотря потому, должна ли быть нарядной или простой. Если обручи вставлены въ юбку костюма, то просто надѣваютъ короткую юбку изъ фая, атласа или сѣра, обшитую кружевомъ или гладкимъ воланомъ. Теперь не нужно поднимать платья, и потому нижняя юбка можетъ быть свѣтлыхъ цвѣтовъ, но преимущественно ее дѣлаютъ изъ чернаго мервелье съ чернымъ кружевомъ, такъ какъ это практичнѣе.

Юбки изъ шерстянаго муара хотя стали черезчуръ обыкновенны, но и эта матерія годится для тѣхъ, кто не въ состояніи носить мервелье и кружева. Кстати, замѣтимъ, что всѣ лучшія модистки совѣтуютъ надѣвать кальсоны и первую юбку подъ корсетъ, а не сверху его; такимъ образомъ, фигура много выигрышаетъ безъ лишняго завязокъ вокругъ талии. Переходя отъ бѣлыя въ шляпкамъ, мы должны сообщить, что среди множества разнообразнѣйшихъ головныхъ уборовъ, снова появляется на модномъ горизонтѣ давно исчезнувшая съ нѣго шляпа съ широкими, неправильными полями, закрывающая лицо, подобно тѣмъ, какъ мы видимъ на старинныхъ портретахъ. Одна изъ такихъ моделей, изъ черной соломы, подбита бархатомъ муссъ. Причудливо изогнутые поля закрываютъ лицо и открываютъ голову сзади слѣва. Отдѣла состоитъ изъ пучка полевыхъ цвѣтовъ и зеленого плюша, съ бантомъ изъ бархата муссъ; вокругъ тульи широкое біе изъ чернаго муара. Розы въ большой модѣ для отдѣлокъ. Между прочимъ, мы видимъ капотъ, отдѣланный шнуромъ изъ розовыхъ лепестковъ; изъ срединъ такого же шу выходитъ зрѣтка изъ пучка розовыхъ бутонновъ. Это чрезвычайно изящно и женственно.

Вотъ нѣсколько самыхъ послѣднихъ новинокъ въ области туалета. Туалетъ для пріемовъ изъ голубой панты; (рис. 19 фиг. 1) фальшивая юбка изъ легкаго шелка покрыта юбкой изъ канвы, отдѣланной тремя лентами изъ тафты гласе макового цвѣта, покрытыхъ шерстянымъ голубымъ кружевомъ. Корсажъ гладкій. Передъ застегнуть прямо на

13. Туалетъ для обѣда.

Балльные туалеты.

14. Костюмъ молодой дѣвушки изъ шелковаго муслина и бѣлаго марабу.

15. Костюмъ изъ кружева и чернаго мервелье.!

16. Туалетъ молодой дѣвушки.

складку по обѣ стороны средины. Суконный поясъ съ пряжкой. Рукавъ съ локтемъ, съ отворотомъ. Кружевной воротникъ. Суконный беретъ. Матеріи потребуются: 2 1/2 арш.

2. Костюмъ дѣвочки. Круглая юбка кончается плиссе изъ сѣраго мервелье. Весь передникъ покрытъ кружевными воланами, съ уступами изъ атласныхъ бантовъ на правомъ боку. Сзади пуза изъ сѣраго сисильна. Корсажъ изъ сисильна. Передъ расходуется шалью и отдѣланъ кружевнымъ воротничкомъ въ видѣ ошю. Спина фасона портной; баска вся вырѣзана острыми рюцами. Рукава съ локтемъ, кончатся кружевнымъ сабо и атласнымъ бантомъ. Большая сѣрая соломенная шляпа съ высокой тульей и загнутыми полями. Отдѣла изъ бархата и букета изъ перьевъ. Мервелье потребуются: 15 арш., кружевъ 25 арш. и лентъ—12 арш.

3. Костюмъ мальчика 4—5 лѣтъ. Родъ англійскаго платья изъ голубаго (bleu hussard) кашемира. Передъ открывается маленькими отворотами на пластронъ изъ мервелье, кулисированнаго у ворота. Передъ прямой, дополняется плиссированнымъ воланомъ, продолжающимся внизу пластрона. Спина обтянута со швомъ въ срединѣ, и отдѣлана плиссированнымъ воланомъ; на краю каждой складки рядъ перламутровыхъ пуговицъ. Кашмировый поясъ обхватываетъ талию внизу и переходитъ на передъ подъ отворотомъ. Отложной воротникъ. Рукавъ съ локтемъ и обшлагомъ. Соломенная шляпа, съ полями бульона и зрѣткой изъ лентъ, сложенныхъ петлями. Матеріи потребуются: 6 ар.

4. Костюмъ дѣвочки 10—12 лѣтъ. Круглая юбка изъ сисильна броне божъ плиссирована и кончается воланомъ изъ кружева вкрю. Полонезъ изъ сисильна. Можно, по желанію, сдѣлать корсажъ изъ сисильна броне, прибавивъ панье изъ гладкаго сисильна. Полонезъ расходится на бархатномъ жилетѣ дутрѣ и на бокахъ драпировается въ видѣ панье. Спина фасона принцесса, падаетъ большими петлями. Направо сбоку пучокъ бархатныхъ лентъ. Верхъ жилета отдѣланъ кружевнымъ воротничкомъ и шуромъ изъ сисильна. Рукавъ съ локтемъ отдѣланъ кружевнымъ сабо и бантомъ изъ бархатныхъ лентъ. Шляпа Переттъ, изъ очень тонкой соломы;

края обшиты бархатнымъ бульономъ; спереди пучокъ бархатныхъ лентъ. Матерію потребуется: 12 арш., кружевъ 6 арш. и барх.—1½ арш.

5. Костюмъ дѣвочки 10—12 лѣтъ. Круглая юбка изъ розоваго бенгалина кончается маленькимъ плисированнымъ воланомъ изъ бенгалина и кружевнымъ воланомъ. Спереди юбки два панье, обшитые кружевнымъ воланомъ. Кореажъ вродѣ жакета. Передъ застегнуть прямо и отдѣланъ буфомъ, обшитымъ кру-

17. Другой видъ раскрашенной картины № 13.

жевомъ. Баска расширена на бедрахъ; спина, фасона портной, разрѣзана внизу средняго шва. Плисированное полотнище изъ ситильна покрываетъ задъ юбки и отдѣлано красивымъ бантомъ изъ муаровой ленты. На лѣвой сторонѣ юбки два банта изъ такой же ленты, но болѣе узкой. Прямой воротникъ. Рукавъ съ локтемъ, отдѣланъ кружевнымъ воланомъ и бантомъ изъ муаровой ленты. У ворота и внизу тальи пучки муаровыхъ лентъ. Шляпа изъ итальянской соломы; поля расширены и скрываютъ бантъ изъ муаровой ленты. Дно кружевное съ муаровыми бантами. Матерію потребуется: 10 арш., круж.—8 ар., лентъ—5 арш.

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ.

О ПЯТНАХЪ.

(Продолженіе).

9. **Жировыя, масляныя и салныя пятна** исчезаютъ отъ дѣйствія чистаго скипидара, кромѣ пятенъ отъ очищеннаго освѣтительнаго масла, вывести которыя весьма трудно и даже невозможно, если они давнишніе. Въ послѣднемъ случаѣ, послѣ скипидара употребляютъ амміакъ (нашатырный спиртъ), а если и это не помогаетъ, то матерію просто приходится красить. Жировыя и салныя пятна смачиваютъ посредствомъ губки эссенціей и слегка трутъ между пальцами, потомъ снова мочатъ эссенціей и посыпаютъ глиной или просѣянной золой; черезъ 10—15 минутъ чистятъ матерію щеткой и пятно должно исчезнуть. Если послѣ золы остается бѣлый налетъ, его считаютъ хлѣбнымъ мякишемъ. Чтобы удалить тяжелый запахъ скипидара, матерію моютъ очищеннымъ спиртомъ или подвергаютъ дѣйствию водяныхъ паровъ. Иногда жирныя пятна улетучиваются при помощи раскаленныхъ угольевъ, или отъ глаженія горячимъ утюгомъ по пропускной бумагѣ, положенной на пятно. Но обыкновенно эти средства только временно маскируютъ пятна, выступающія черезъ нѣсколько дней въ еще болѣешемъ объемѣ. Стеариновыя пятна одинъ лишь успѣшно уничтожаются этимъ способомъ. Съ бѣлыхъ жирныхъ пятенъ сходятъ отъ мытья мыломъ; съ бумажныхъ тканей прочныхъ красокъ ихъ сводятъ мытьемъ въ теплой мыльной водѣ; для цвѣтныхъ шерстяныхъ тканей употребляютъ мыльную воду или амміакъ; для шелка — бензинъ, эфиръ, амміакъ, магнезію; мѣль или дичный желтокъ.

10. **Пятна отъ ликеровъ** сначала смачиваютъ тѣмъ же ликеромъ, затѣмъ чистой водою, и трутъ осторожно; если пятно не исчезаетъ и цвѣтъ ткани позволяетъ, то прибѣгаютъ къ кислотамъ хлорной или лимонной, дѣйствіе которыхъ нейтрализуютъ амміакомъ. Въ такихъ случаяхъ можно также съ успѣхомъ употребить спиртъ различной крѣпости. Съ бѣлыхъ тканей ликерныя пятна смываются мыльной водою и затѣмъ ткань окуриваютъ сѣрной кислотой.

11. **Смоляныя, дегтярныя и стеариновыя пятна** совершенно растворяются въ очищенномъ спиртѣ, которымъ намачиваютъ пятно и затѣмъ осторожно трутъ между пальцами. За неимѣніемъ спирта, той же цѣли достигаютъ эссенціи скипидара, лаванды, лимонныя, или же одеколонъ или крѣпкая водка.

12. **Ржавчина** изъ неокрашенныхъ тканей сводится щавелевокислой солью въ порошокъ. Сначала пятно смачиваютъ, потомъ посыпаютъ порошокомъ на 8—10 минутъ, время отъ времени растирая его пальцами, а затѣмъ запачканное мѣсто тщательно промываютъ. Если ржавчина очень застарѣлая, то прежде всего пятно смачиваютъ растворомъ сѣрнистаго калия или натрія, превращающимъ желтое пятно въ зеленовато-

19. Хроника моды.

коричневое. Какъ только лишь произойдетъ это измѣненіе, на пятно наливаютъ одну каплю соляной кислоты растворенной въ такомъ же количествѣ воды. Ржавчина исчезаетъ моментально и остается лишь вымытая ткань мыльной водою. Если съ перваго раза операція не удастся, то простой водою тщательно смываютъ все признаки кислоты, чтобы убѣдиться, вполнѣ ли она смыта, нужно попробовать языкомъ то мѣсто, гдѣ была нацѣлена кислота. Затѣмъ, употребляютъ сѣрнистый натрій и соляную кислоту, какъ описано выше. Ржавчину выводятъ изъ бѣлыхъ, смачивая пятна кисточкой, напитанной сѣрной кислотой, растворенной въ десяти частяхъ воды, и затѣмъ, обливая смоченное мѣсто растворомъ желѣзисто-синеродистаго калия. Пятно принимаетъ ярко-голубой цвѣтъ, исчезающій послѣ стирки. Иногда требуется вторичная обработка бѣлыхъ тѣми же веществами. Для окрашенныхъ тканей употребляютъ растворъ соляной кислоты; если пятно мало, на него капаютъ изъ капельницы, если велико, то смачиваютъ кисточкой, и время отъ времени щепочкой царапаютъ по пятну. Если оно не исчезаетъ, лучше отказаться отъ попытки, иначе пострадаетъ цвѣтъ ткани. Тогда можно прибѣгнуть къ менѣе ѣдкому веществу—кремортартару, но дѣйствіе его несравненно медленнѣе дѣйствія кислотъ. Превративъ его въ порошокъ, посыпаютъ пятно и затѣмъ смачиваютъ; черезъ 8—10 минутъ осторожно растираютъ пальцами и тщательно вымываютъ.

13. **Кровавыя, сахарныя, желатиновыя, альбуминовыя** пятна исчезаютъ отъ обыкновеннаго мытья въ простой водѣ.

14. **Пятна отъ пота** сводятся при помощи разведеннаго водою амміака, если они недавнія; застарѣлыя же сдѣлавшіяся щелочными, сходятъ отъ слабой щавелевокислой соли, послѣ употребленія которой, ткань начисто полощатъ. Изъ красныхъ матерій эти пятна

исчезаютъ мгновенно отъ двухлористаго олова, раствореннаго въ большомъ количествѣ воды.

15. **Пятна отъ сажи.** Сначала ихъ смачиваютъ эссенціей скипидара, тихонько растирая, чтобы дать жидкости впитаться въ ткань, затѣмъ эссенцію смываютъ съ однимъ яичнымъ желткомъ и подогрѣваютъ; смѣсью этою опять пропитываютъ и натираютъ запачканныя мѣста, повторяя процедуру нѣсколько разъ, пока пятно приметъ черноватый оттѣнокъ, отъ желѣзистыхъ частицъ, удаляемыхъ посредствомъ слабого раствора соляной кислоты для цвѣтныхъ тканей, и щавелевокислой соли или кремортартара для тканей бѣлыхъ или прочныхъ красокъ.

18. Другой видъ раскрашенной картины № 13.

16. **Пятна отъ лаковъ и масляныхъ красокъ** сводятся эссенціей скипидара, и обыкновенно съ перваго раза. Коровье масло также хорошее средство для вывода лаковыхъ пятенъ, а масло, въ свою очередь, выводится скипидаромъ. Для шелковыхъ матерій лучше употреблять эфиръ или бензинъ.

Пятна на бумагѣ.

1. **Чернила и ржавчина.** Чтобы возвратитъ первобытный цвѣтъ страницъ или гравюръ, испорченной чернилами, нужно смочить пятно жидкимъ хлоромъ, хлорноватистокаліевою (Жавелевая вода, eau de Javel), или хлорноватистонатріевою солями (лабаракская вода). Если пятна велики, то бумагу кладутъ въ плоскій сосудъ и наливаютъ одной изъ вышеуказанныхъ жидкостей на 2 мм. Когда пятна исчезнутъ, жидкость сливаютъ, замѣняя ее свѣжей водою. Нѣсколько листовъ или страницъ, обрабатываемыхъ вмѣстѣ, раздѣляютъ маленькими подпорками изъ тонкаго картона, чтобы они не слипались. Маленькія пятна престо накладываютъ на чистый картонъ и смачиваютъ губкой, тѣми же веществами, пока бумага поблѣдетъ; тогда ее омываютъ водою, и когда почти просохнетъ, очень тонкой кисточкой наводятъ слой клея съ квасцами.

Щавелевокислая соль, растворяемая въ водѣ также уничтожаетъ на бумагѣ чернильныя пятна. Что касается ржавчины, то прежде ее смачиваютъ сѣрной кислотой, обтираютъ губкой и наливаютъ нѣсколько капель щавелевокислой соли въ растворъ или посыпаютъ тѣмъ же веществомъ въ порошокъ.

Веснушки, обильно покрывающія лица блондушекъ и рыжихъ особъ, происходятъ отъ неправильнаго скопленія пигмента (красящаго вещества кожи) въ извѣстныхъ точкахъ, въ ущербъ соседнимъ частямъ, и преимущественно появляются лѣтомъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и воздуха. Лечение веснушекъ можетъ быть лишь предупреждающее и палліативное, и состоитъ въ томъ, чтобы никогда не подвергать лица и рукъ вліянію солнца и вѣтра. Поэтому женщины, дорожащія своею красою, должны выходить лѣтомъ не иначе, какъ подъ вуалю и съ зонтикомъ. Передъ выходомъ изъ дома, полезно смазывать лицо глицериномъ и покрывать его густымъ слоемъ пудры. По возвращеніи, лицо умываютъ холодной водою.

О К Т А В И Я.

Историческій романъ изъ временъ Нерона.

В. Валлотъ.

(Съ нѣмецкаго; окончаніе).

ГЛАВА XII.

Близъ Байи, по римской дорогѣ, стояла прелестная вилла, вся залитая серебряными лучами полной луны, отражавшейся въ гладкой поверхности живописнаго залива. На обвитой виноградомъ террасѣ виллы стояли Руфъ и Лукреція. Руфъ, по прежнему угрюмый и молчаливый, не обращалъ никакого вниманія на свою подругу и даже не отвѣчалъ на ея тревожные вопросы, что съ нимъ. Возвышеніе не принесло еврею желаемого счастья и довольства, и теперь, въ тихій ночной часъ, безпокойныя мысли, какъ и прежде, грызли его. Онъ думалъ и о той, которая послужила первой ступеню къ почестямъ и была его первой жертвой, и о закутанной женщинѣ, проскользнувшей къ кубку императора съядомъ, и о ничтожествѣ земнаго счастья, и о предсказаніи астролога, совѣтовавшаго ему „беречься женщины“. Все это вихремъ кружилось въ его головѣ, и прелесть ночи казалась ему душной тюрьмой, дуновеніе вѣтерка—шумомъ цѣпей, ропотъ волнъ—голосами предателей. И Лукреція, отказавшаяся отъ христіанства и отдавшая свою руку этому человѣку по волѣ родителей, также несчастна. Она не знаетъ, любить-ли она своего спасителя; если когда-нибудь въ сердцѣ ея и была любовь, то она давно уступила мѣсто страху. Воля ея навсегда сломалась съ той ужасной минуты, когда она упала въ циркѣ, подъ ударомъ львиной лапы, и она можетъ только безпрекословно повиноваться безчисленнымъ капризамъ и придиркамъ Руфа.

Сегодня ночью, послѣ долгихъ тяжелыхъ недѣль мрачнаго молчанія и суровости, Руфъ ласково говорилъ съ нею, и даже поцѣловалъ ее.

— Не сердись на меня, Лукреція,—сказалъ онъ,—ты знаешь, я чувствую болѣе, нежели выражаю!

И довольная даже такой ничтожной лаской, Лукреція стояла возлѣ него, почти счастливая, когда въ тишинѣ ночи раздавался звукъ оружія, и красноватый свѣтъ факеловъ окрасилъ пурпуромъ ближніе кусты. Руфъ затрепеталъ.

— Что съ тобою? — спросила Лукреція, — ты блѣднѣешь? Ты болѣешь?

— Молчи,—приказалъ онъ,—сюда идуть!...

Вошедшій рабъ доложилъ, что пришли солдаты, и начальникъ ихъ хочетъ говорить съ хозяиномъ виллы.

Колѣни Руфа подогнулись, но онъ овладѣлъ собою и произнесъ:

— Пусть онъ войдетъ.

— Ты совсѣмъ нездоровъ, милый,—воскликнула Лукреція, обнимая его.

— Вздоръ,—пробормоталъ онъ, грубо отталкивая ее.

Вошли солдаты.

— Что вамъ нужно отъ меня?—спросилъ съ усиліемъ Руфъ.

— Въ твоей виллѣ спрятанъ юноша, по имени Метелль,—отвѣчалъ начальникъ,—такъ ли это?

— Такъ,—сказалъ Руфъ со вздохомъ облегченія.

— Человѣкъ этотъ—государственный преступникъ. Конечно, ты не могъ знать этого, и мы посланы императоромъ, чтобы убить его.

— Никогда я не подумаю даже укрывать преступника,—воскликнулъ Руфъ.—Распоряжайтесь здѣсь какъ угодно; исполняйте вашъ долгъ.

— Я знаю, что ты усердный слуга императора; гдѣ находится осужденный?

— Мой рабъ покажетъ вамъ его комнату.

Солдаты удалились, стараясь идти какъ можно тише. Руфъ задумался.

— Поппея Сабина была-бы мнѣ благодарна, если-бы я спасъ его,—проговорилъ онъ.—Не послать-ли къ нему стараго Катона? Если онъ предупредитъ ликторовъ, то онъ спасенъ.—И Руфъ уже сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ къ дому, но вдругъ остановился. — Лучше мнѣ остаться вѣрнымъ императору,—пронеслось у него въ головѣ, и онъ неподвижно стоялъ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму.

Между тѣмъ, на плоской крышѣ, въ обвитой виноградомъ бесѣдкѣ сидѣлъ ничего не подозрѣвавшій Метелль, погруженный въ чтеніе. Около его стула на полу спалъ Стефаносъ, крѣпко сжавъ въ рукѣ дудку. Послѣ волненій и ужасовъ недавняго прошлаго, Метелль наслаждался спокойствіемъ и безмятежностью ночи. Страсти улеглись въ его сердцѣ; любовь къ Октавіи казалась сномъ, хотя онъ не могъ безъ боли вспомнить о несчастной женщинѣ; жажда жизни проснулась въ немъ съ удвоенной силой, и чувствуя себя вновь сильнымъ и свободнымъ, онъ уже началъ соображать, какъ-бы спасти императрицу. Задумавшись, онъ незамѣтно заснулъ, и ему приснилось что-то ужасное; вдругъ вскочивъ, онъ, задыхаясь, позвалъ Стефаноса.

— Я здѣсь, господинъ,—отозвался мальчикъ, протирая глаза.

— Ты ничего не видѣлъ? — спросилъ тревожно Метелль, которымъ овладѣлъ безотчетный ужасъ.

— Я видѣлъ во снѣ бѣлую крылатую лошадь,—сказалъ мальчикъ,—она неслась на небо.

— Нѣтъ! Я говорю о другомъ... ты не видѣлъ женщины...

— Женщины?...

— Съ такимъ неподвижнымъ, стекляннымъ взоромъ, всю покрытую кровью...

— О господинъ, ты бредишь...

— О! Стефаносъ! я знаю... она умерла—съ отчаяніемъ вскричалъ Метелль, закрывая лицо руками.

— Не плачь, господинъ,—утѣшалъ его мальчикъ, глядя его по щекамъ,—не плачь, мы вѣдь скоро отправимся въ Грецію. Зачѣмъ ты медлишь? Поѣдемъ скорѣе, и ты забудешь все горе!

Метелль, не отвѣчая, только обнялъ Стефаноса.

— Сюда идуть,—сказалъ вдругъ мальчикъ,—я слышу на лѣстницѣ шаги и голоса!

Въ ту же минуту на террасу вошло нѣсколько воиновъ въ блестящихъ шлемахъ, и центуріонъ съ низкимъ поклономъ обратился къ Метеллю.

— Я присланъ изъ Рима Октавіей,—прошепталъ онъ,—она требуетъ тебя!

— Октавія?—радостно воскликнулъ юноша,—но развѣ она жива.

— Жива — отвѣчалъ центуріонъ опустивъ голову.

— Значитъ сонъ обманулъ меня! Но говори!

— Она не только жива, но даже близко отъ тебя,—продолжалъ предатель.

— Близо? О, боги!

— Мнѣ приказано тайно провести тебя къ ней, такъ какъ она спаслась бѣгствомъ изъ Рима!

Отказавшись отвѣчать на разспросы Метелла, подъ предлогомъ, будто ему предписано строжайшее молчаніе, пока онъ не доставитъ юношу на назначенное мѣсто, центуріонъ легко убѣдилъ Метелла слѣдовать за нимъ.

— Не ходи безъ меня, господинъ!—просилъ Стефаносъ, но Метелль, ничего не слушая, уже сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Октавія ждетъ на томъ берегу залива,—сказала центуріонъ,—здѣсь въ тростникѣ привязана лодка, въ которой я перевезу тебя, господинъ. Но вы можете быть вмѣстѣ только до солнечнаго восхода!

— Хорошо, хорошо,—разсѣянно отвѣчалъ Метелль, весь занятый мыслию о предстоящемъ свиданіи.

Они вошли въ лодку, гдѣ уже ждалъ другой воинъ.

Дружнымъ ударомъ весель лодка далеко отплыла отъ берега.

— Все отлично устроилось, Юлій,—шепнулъ воинъ центуріону, толкнувъ его въ бокъ.

— Императоръ можетъ положиться на меня,—отвѣчалъ тотъ,—я всегда исполняю, за что берусь. А теперь, не болтай, а дѣлай свое дѣло!

Метелль, вперивъ взоръ въ даль, ничего не слышалъ изъ этого тихаго разговора.

— Ты не можешь сказать, какимъ образомъ удалось Октавіи бѣжать?—спросилъ Метелль.

— Къ сожалѣнію, не могу, господинъ, меня въ то время не было въ Римѣ,—отвѣчалъ центуріонъ.—Но, я думаю, Андромакъ взялся за ея леченіе, а ты знаешь, такой врачъ, какъ онъ, скоро избавляетъ отъ всякаго рода страданій.

— Вы принадлежите къ свитѣ императрицы?

— Да, господинъ!

— Она ночуетъ вотъ въ той виллѣ, вѣроятно?—продолжалъ Метелль, указывая на бѣлѣвшую вдаль маленькую виллу.

— Ты скоро увидишься съ ней, господинъ,—уклончиво отвѣчалъ предатель.

Метелль снова погрузился въ мечты. Да, онъ любилъ Октавію, онъ чувствовалъ это по радости, наполнившей его сердце при мысли о свиданіи съ нею, но любовь эта была теперь чистая, братская, и онъ клялся вести около нея благородную, безпорочную жизнь.

— Куда намѣрена она бѣжать?—вновь спросилъ онъ.

— Куда? — усмѣхаясь переспросилъ солдатъ,—туда же, куда и мы!

— Въ Египетъ?

— Немножко подальше!

— Въ Эѳіопію?

— Потерпи немного, ты будешь тамъ раньше, чѣмъ тебѣ захочется!

Метелль, пораженный нахальнымъ тономъ солдата, посмотрѣлъ на него, но оба гребца продолжали работать веслами, и юноша снова позабылся; теперь онъ думалъ о Стефаносѣ, сожалѣя, что такъ покинулъ его въ минуту волненія. Какъ хорошо было бы ему съ нимъ и Октавіей! Они всѣ вмѣстѣ могли бы оставить Италию и поселиться въ дорогой родинѣ маленькаго грека. Ему пришло въ голову приказать вернуться на берегъ и взять мальчика съ собою. Обернувшись, онъ уже открылъ ротъ, чтобы отдать приказаніе, когда центуріонъ бросился на него и, навалившись всей тяжестью своего тѣла, хотѣлъ столкнуть его за бортъ.

— Что вы дѣлаете со мною?—прокричалъ несчастный, цѣпляясь за край лодки,—вы хотите убить меня? И онъ отчаянно началъ отбиваться отъ центуріона.

— Помогите, измѣна, помогите!—пронеслось по тихой поверхности спящаго залива.

— Заткни ему глотку,—крикнулъ центуріонъ,—и помоги столкнуть его.

Солдатъ схватилъ жертву за ноги. Берегъ, море и луна завертѣлись передъ глазами Метелла, кровь шумѣла въ его вискахъ, и онъ съ удесятенной силой боролся противъ двоихъ. Смерть въ предательски тихой водѣ пугала его до безумія, и въ крайности, самъ не зная какъ, онъ началъ жалобно просить о пощадѣ. Онъ поступилъ еще хуже, еще мало-

душнѣ: страхъ смерти сдѣлалъ его лжецомъ.

— Я никогда не любилъ Октавію, — почти рыдалъ онъ, — я ненавижу ее и не хочу никогда больше видѣться съ нею. Клянусь, никогда больше я не буду стараться встрѣтить ее! Высадите меня на берегъ, я убѣгу далеко, далеко, и Перонъ никогда не услышитъ обо мнѣ. Вы можете смѣло сказать ему, что убили меня!

Солдаты, выпустивъ его, начали вполголоса совѣщаться между собою, а Метелль жадно ловилъ каждое ихъ слово.

— Онъ славный мальчикъ, — сказалъ центуріонъ, — оставимъ ему жизнь.

— Онъ тебѣ понравился, такъ ты и радъ падить его, — ворчливо отвѣчалъ его товарищъ, — мало ли кто тебѣ нравится!

— Не твое дѣло, — продолжалъ центуріонъ, — я беру это на себя. Прыгай въ воду! — обратился онъ къ полумертвому отъ страха юношѣ — Ты вѣдь умѣешь плавать?

— Умѣю, — едва пролепеталъ Метелль.

— Ну, такъ маршъ отсюда, — продолжалъ солдатъ, — до берега не далеко. Если онъ доплыветъ, то мы избавимся отъ него, если же утонетъ, то тѣмъ лучше, — прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищу.

— Благодареніе богамъ! — воскликнулъ задыхаясь Метелль и, бросившись черезъ бортъ, быстро началъ разсѣкать холодныя струи. Долго слѣдили солдаты за удалявшейся бѣлой точкой, которая часто исчезала, скрываясь подъ водою, и вновь выплывала, стремясь достигнуть берега.

— Онъ не доплыветъ, — замѣтилъ центуріонъ.

— Доплыветъ, онъ сильный, — отвѣчалъ другой.

Поднялся вѣтеръ. Волны съ пѣнистыми гребешками заплясали на прежде гладкой водной равнинѣ.

— Помогите! — слабо донеслось до лодки.

— Крѣпись! — крикнулъ центуріонъ, — еще одно усиліе, и ты на берегу!

Но силы Метелля истощились, судороги свели его члены, и холодъ воды захватилъ дыханіе. Вытнувъ руки, онъ хотѣлъ плыть, но въ глазахъ у него потемнѣло, вода влилась въ ротъ, страшный шумъ раздался въ ушахъ, и въ послѣдній разъ безпомощно взмахнувъ руками, Метелль исчезъ подъ водою. Лодка уплыла, и молчаливый заливъ попрежнему мирно дремалъ въ блестящемъ лунномъ сіяніи.

Конецъ.

Хорошенькая дикарка.

(Съ англійскаго; продолженіе).

ГЛАВА XVI.

Крокеть.

Люція получила позволеніе играть въ крокетъ, причѣмъ къ мѣсту дѣйствія и обратно долженъ былъ ее сопровождать Фрэнсисъ Барольдъ. Можетъ быть это случилось потому, что леди Теобальдъ пришло въ голову, какой поразительный контрастъ составлять англійская сдержанность и женственность сравнительно съ свободными и рѣзкими манерами американской дѣвицы и какіе прекрасные результаты могутъ отсюда произойти.

— Я надѣюсь, что ты будешь себя вести такъ, что для всѣхъ будетъ очевидно, что ты выросла въ цивилизованной странѣ, — сказала она. — Нынѣшніе молодые люди могутъ себѣ позволить забавляться съ молодыми особами, которыя заставляють краснѣть своимъ поведеніемъ сорокалѣтнихъ женщинъ, но ужъ, конечно, смотреть на такихъ особъ не съ серьезными намѣреніями.

Люція покраснѣла. Она ничего не сказала, но страшно сожалѣла въ душѣ, что у нея недостаетъ храбрости для произнесенія тѣхъ словъ, что вертѣлись у нея на языкѣ. Въ послѣднее время, когда ей случалось разсердиться, ей приходили въ голову очень мѣткіе, саркастическіе отвѣты. Ни разу она не рѣшилась выговорить ихъ вслухъ, но чувствовала, что современемъ рѣшится; во всякомъ случаѣ это уже былъ большой прогрессъ, что она рѣшилась такъ думать и хотя бы мысленно возмущаться противъ леди Теобальдъ и представлять себѣ, какъ она поразитъ ее смѣлостью своихъ рѣчей.

— Такъ я должна вести себя какъ можно лучше, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, на меня не будутъ смотрѣть съ серьезными намѣреніями, — подумала она. — Спрашивается, кто это осмѣлится смѣтрѣть на меня съ несерьезными намѣреніями, мистеръ Попльтонъ или Фрэнсисъ Барольдъ? Если на то пошло, мнѣ кажется, что въ Америкѣ врядъ ли можно быть грубѣе, чѣмъ бываемъ мы здѣсь, въ Англіи, когда захочемъ.

Она очень веселилась въ этотъ день, особенно подъ конецъ, когда проходившій случайю мистеръ Бормистонъ присоединился къ нимъ, по приглашенію Октавіи, позвавшей его черезъ рѣшетку сада. Засвидѣтельствовавши свое почтеніе миссъ Белиндѣ, которая сидѣла для приличія гдѣ-то подъ деревомъ и присутствовала при игрѣ, мистеръ Бормистонъ подошелъ къ Люціи. Она ждала своей „очереди“, и хохотала отъ всей души надъ мистеромъ Поплтономъ, который съ необычнымъ жаромъ предавался игрѣ подъ наблюденіемъ Октавіи. Ея глаза такъ и блестяли и она совершенно не имѣла своего обычнаго робкаго, запуганнаго вида.

— Я очень радъ, что я вижу васъ здѣсь, — сказалъ мистеръ Бормистонъ.

— Я сама очень рада, что здѣсь, — отвѣчала она. — Я провела такой веселый день. Это было очень приятно и... совсѣмъ необычайно для меня.

— Необычайно! это хорошее слово, — сказалъ онъ смѣясь.

— Да, не дурно, — возразила она. — Оно выражаетъ очень многое.

— Правда.

— Посмотрите на мистера Поплтона и на Октавію... — начала она.

— Какъ, вы уже называете ее по имени?

Она опустила глаза и покраснѣла.

— При бабушкѣ я бы ее такъ не назвала, — и она быстро подняла на него глаза. — Вѣдь это дурно, не правда-ли? — сказала она. — Иногда я думаю, что я ужасно гадкая, хотя отъ природы я вовсе не такая. Мнѣ гораздо свойственнѣе быть прямой и откровенной.

— Это было бы, конечно, лучше, — замѣтилъ онъ.

— Вѣдь правда? — спросила она горячо.

Онъ не могъ не улыбнуться.

— Неужели вы когда-нибудь говорите неправду леди Теобальдъ? — освѣдомился онъ. — Если такъ, то я начинаю серьезно тревожиться за васъ.

— Не говорю, но дѣлаю неправду, — сказала она, сильно краснѣя. — Право, я часто притворяюсь самымъ низкимъ образомъ. Я дѣлаю видъ, что согласна съ ней, когда этого вовсе нѣтъ, притворяюсь, что мнѣ нравится то, чего я просто ненавижу. Въ послѣднее время я старалась этого не дѣлать, и раза два она на меня за это страшно сердилась. Она находитъ, что я непослушна и непочтительна. Одинъ разъ она спросила меня, не намѣрена-ли я подражать миссъ Октавіи Бассетъ. Это было тогда, когда я сказала, что по моему я теряю время на ненужные уроки.

Она замолкла и тихо вздохнула.

Между тѣмъ, мистеръ Попльтонъ и мистеръ Барольдъ оставались на почеченіи Октавіи, которая старалась исполнять обязанности привѣтливой хозяйки относительно ихъ обоихъ. Насчетъ мистера Поплтона она могла быть спокойна, потому что занять его было не трудно. Всѣ его страхи миновались, и путь былъ передъ нимъ расчищенъ. Когда онъ уходилъ изъ дома миссъ Белинды съ маленькимъ шелковымъ кошелькомъ, подъ его пасторскимъ жилетомъ билось взволнованное и умиленно разогрѣтое сердце. Надо признаться, что сердце это было вообще очень чувствительно и неопытно. Этотъ маленький человекъ, преисполненный привязчивыхъ и нѣжныхъ наклонностей, съ самой ранней юности лелѣялъ въ своей душѣ робкія мечты о скромномъ будущемъ благополучіи, олицетворенномъ какимъ-нибудь прелестнымъ созданиемъ, у котораго были бы такіе же идеалы, какъ у него самого, которое предпочло бы сокровища искренней привязанности блеску мірской суеты. Раза два въ жизни онъ принимался обожать на почтительномъ разстояніи, но его мечтанія до сихъ поръ не достигали предѣловъ возможности, ибо предметы ихъ всякій разъ вступали въ союзъ съ болѣе выгодными избранниками, разрушая его надежды въ самомъ члвѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Слаубриджѣ, онъ чувствовалъ себя нѣсколько подавленнымъ своей обстановкой. Онъ убѣдился, что его невинное присутствіе пробуждаетъ смятеніе въ груди не менѣе невинныхъ молодыхъ дѣвицъ, и это обстоятельство сдѣлалось для него источникомъ печальнаго смущенія. Онъ замѣтилъ, что дѣвицы Эгертоны переставали свободно болтать въ его присутствіи, также какъ и ихъ подруги; замѣтилъ, что, при его приближеніи, всѣ онѣ обнаруживали преувеличенную сдержанность въ разговорѣ и манерахъ, какъ будто желая оградить себя отъ неосторожныхъ выходокъ.

— Право, точно онѣ меня боятся, — размышлялъ онъ. — Господи! надѣюсь, что въ моей вѣщности нѣтъ ничего такого, чтобы могло...

Эта ужасная мысль его такъ сильно встрѣвожила, что онъ съ этихъ поръ никогда не подходилъ къ дѣвицамъ иначе какъ со страхомъ и трепетомъ, что, разумѣется, не поправляло дѣла; а потому неудивительно, что ему приходилось трудненько.

— Я очень уважаю слаубриджскихъ дѣвицъ, — сказалъ онъ Октавіи въ этотъ день. — Здѣсь есть нѣсколько замѣчательныхъ дѣвушекъ, очень замѣчательныхъ. Онѣ интересуются и церковью, и школами, и бѣдными, рѣшительно всѣмъ, и конечно, это очень хорошо съ ихъ стороны. У молодыхъ дѣвицъ такъ много развлеченій, имъ такъ легко отвлекаться отъ подобныхъ вещей.

— Если я довольно долго проживу въ Слаубриджѣ, — сказала Октавія, — я буду интересоваться и церковью, и школами, и бѣдными.

Курату положительно казалось, что нѣтъ очаровательнѣе ея смѣха и самыхъ обыкновенныхъ словъ, сказанныхъ ею. Она казалась ему такой красивой и блистательной, что онъ забылъ все, кромѣ своего восхищенія къ ней. Ему было такъ весело въ этотъ день, что онъ чуть что не блисталъ остроуміемъ и постоянно возбуждалъ саркастическія замѣчанія мистера Барольда, который съ своей стороны не веселился ни на грошъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ! — размышлялъ этотъ джентльменъ, предаваясь своимъ наблюдениямъ. — Для чего я сюда пришелъ, спрашивается? Такъ вѣдь и слѣдовало ожидать. Теперь она забавляется съ этимъ злополучнымъ ценкомъ, а меня по боку. По всей вѣроятности она именно такъ обращается съ молодыми людьми въ своей Невадѣ.

Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія становиться на одну доску съ достопочтеннымъ мистеромъ Артуромъ Поплтономъ, а также не скрывалъ того, что, по его мнѣнью, маленькая американская кокетка попала въ просакъ. Чѣмъ скорѣе она это замѣтитъ, тѣмъ лучше для нея; а потому онъ игралъ въ крокетъ какъ можно хуже, сохраняя свое достоинство.

Но Октавія была до такой степени поглощена пламеннымъ усердіемъ, съ которымъ мистеръ Поплтонъ старался воспользоваться ея наставленіями, что повидимому ничего другаго не замѣчала. Она играла очень хорошо и ловко и направляла своего партнера къ побѣдѣ съ такимъ радостнымъ сознаниемъ своей ловкости и умѣнья, что на нее весело было смотрѣть. Она забѣгала то съ той, то съ другой стороны, подавала совѣты, управляла его движеніями и принимала просто трагическія позы, когда онъ дѣлалъ промахъ.

Миссисъ Борнгамъ, которая наблюдала за этой сценой, сидя на креслѣ у своего окна, прикрывшись занавѣской, воспылала благороднымъ негодованіемъ при видѣ ея энергіи.

— Въ ея манерѣ нѣтъ ни малѣйшаго спокойствія, — сказала она. — Никакого достоинства. Неужели стоитъ такъ волноваться изъ-за игры въ крокетъ? Подумаешь, серьезное дѣло! По моему, просто неблагочестиво до такой степени занимать свой умъ суетными развлеченіями!

— Ей, кажется, ужасно весело, мамаша, — сказала миссъ Лаура Борнгамъ съ легкимъ вздохомъ. Миссъ Лаура смотрѣла черезъ плечо матери. — Имъ всѣмъ должно быть ужасно весело. Посмотрите, какъ хохочутъ мистеръ Бормистонъ и Люція Гастонъ. Я никогда не видѣла Люцію такой веселой. Только одинъ мистеръ Барольдъ скучаетъ немножко.

— По всей вѣроятности ему противно смотрѣть на такую свободу обращенія; онъ къ этому не привыкъ, — возразила миссисъ Борнгамъ. — Я только удивляюсь, что ему давно все это не опротивѣло.

ГЛАВА XVII.

Преимущества.

Когда игра кончилась, Октавія покинула своего партнера. Весело, съ побѣдоноснымъ видомъ, она, подошла къ Барольду. Она немножко покраснѣлась, и съ улыбающимся лицомъ стояла нѣсколько времени молча, обмахиваясь пестрымъ японскимъ вѣеромъ.

— Неправда ли, вѣдь я — хорошій учитель? — спросила она наконецъ.

— По всей вѣроятности, — отвѣчалъ Барольдъ безъ всякаго энтузіазма. — Я объ этомъ не могу судить.

Она усиленно обмахивалась.

— У меня былъ отличный ученикъ, — сказала она; потомъ на минуту опустила вѣеръ, взглянула на своего собесѣдника и спросила: — Я чѣмъ-то разсердила васъ? я замѣтила это сейчасъ-же.

Мистеръ Фрэнсисъ Барольдъ вдругъ оледѣнелъ. При его настоящемъ расположеніи духа, ему казалось не шутя, что она воображаетъ себѣ, что онъ очень ею интересуется.

— Послѣ такого кратковременнаго знакомства, я бы ни въ какомъ случаѣ не осмѣлился. — началъ онъ.

Она пристально смотрѣла на него, спокойно и мѣрно обмахиваясь своимъ вѣеромъ.

— Однако, это такъ, — замѣтила она. — Вы сердитесь. Это сейчасъ видно.

— Если я былъ настолько неучтивъ, что казался не въ духѣ, — сказалъ онъ, — прошу вашего извиненія. Безъ всякаго сомнѣнія я не имѣю права выказывать столь необычный интересъ къ вашему поведенію.

По его мнѣнью, эти слова должны были задѣть ее за живое; но они не произвели на нее подавляющаго впечатлѣнія. Она снова улыбнулась.

— Всякій имѣетъ право сердиться, — замѣтила она. — Хотѣла бы я знать, какъ бы стали всѣ жить, если бы этого не было. Я сержусь разъ двадцать въ день.

— Въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчалъ онъ сухо.

— По моему, съ вашей стороны очень скверно относиться къ этому такимъ образомъ, послѣ того, что я вамъ сказала въ прошлый разъ.

— Къ сожалѣнію я не помню, что вы мнѣ сказала. Надѣюсь, ничего серьезнаго.

Къ его немалому удивленію, она опустила глаза на свой вѣеръ и понизила голосъ.

— Я вамъ сказала тогда, что мнѣ нужно сдѣлаться лучше, исправиться.

Надо признаться, что онъ смягчился. Въ ея манерѣ была поразительная мягкость; онъ и смутился и восхитился, но въ тоже время чувствовалъ, что принимать ея слова слишкомъ серьезно не слѣдуетъ.

— Да, да! — сказалъ онъ; — помню. Вы, конечно, пошутили!

— Нисколько, — отвѣчала она, еще тише. — Я говорила серьезно.

И она подняла глаза.

— Если бы вы замѣчали и говорили мнѣ, всякій разъ, какъ я сдѣлаю что-нибудь не такъ, это было бы отлично, — объявила она.

Онъ подумалъ, что это было бы довольно исполнимо и пожалуй даже довольно интересно. Но тѣмъ не менѣе, ему не хотѣлось съ этимъ согласиться и сразу спуститься съ высоты своего величія.

— Боюсь, что вамъ это покажется черезчуръ несноснымъ, — сказалъ онъ.

— Вамъ покажется, — отвѣчала она. — Вамъ придется меня останавливать такъ часто!

— Неужели вы серьезно хотите спрашивать моего мнѣнія и слушаться моихъ совѣтовъ?

— Не всѣхъ, можетъ быть, но многихъ.

— Благодарю васъ. Но только едва ли мнѣ придется давать вамъ много совѣтовъ.

Она улыбнулась.

— До сихъ поръ мнѣ никто не давалъ совѣтовъ, — сказала она. — Да къ тому же я бы почти навѣрно ихъ не слушала, если бы и пришлось. Но случая не было. Отецъ баловалъ меня; онъ позволялъ мнѣ дѣлать все, что я хотѣла. Онъ всегда говорилъ, что ему все равно, лишь бы только мнѣ было хорошо; и мнѣ всегда было очень хорошо, въ самомъ дѣлѣ. Да оно и не могло быть иначе, когда я дѣлала всегда, что хотѣла, и никто не вмѣшивался. Я никогда не бывала больна, покупать могла всегда все, что мнѣ нравилось... чего же еще? Въ романахъ мнѣ иногда приходилось читать, какъ барышни жалѣютъ, что у нихъ нѣтъ матери и что некому о нихъ заботиться. Я же никогда особенно не жалѣла о томъ, что у меня нѣтъ матери; я прекрасно умѣю сама о себѣ заботиться. Къ тому же, я должна признаться, что матери часто бываютъ довольно неспособны. У меня есть знакомыя, къ которымъ матери вѣчно пристають.

Снѣ не могъ не засмѣяться, и она послѣдовала его примѣру, хотя и говорила все время съ величайшей серьезностью.

Когда оба успокоились, она снова обратилась къ первоначальной темѣ разговора.

— Ну, теперь вы мнѣ скажите, что я сдѣлала сегодня такого, чего не слѣдовало дѣлать, — спросила она. — Чего бы не сдѣлала, напримѣръ, Люція Гастонъ? Я это говорю потому, что въ нѣкоторыхъ вещахъ мнѣ бы хотѣлось быть похожей на Люцію Гастонъ.

— Люція должна быть этимъ очень довольна, — замѣтилъ онъ.

— Она очень довольна, дѣйствительно. Мы съ ней немножко поговорили объ этомъ, и ей было очень приятно. Мнѣ бы и въ голову не пришло, что она можетъ на это посмотрѣть съ такой точки зрѣнія, если бы она вдругъ не покраснѣла. Отгадайте, что она мнѣ отвѣчала?

— Гдѣ мнѣ!

— Она сказала, что находитъ во мнѣ столько качествъ, которымъ можно позавидовать, что ей просто не вѣрится, чтобы мнѣ хотѣлось быть похожей на нее.

— Это было очень любезно съ ея стороны, — сказалъ Барольдъ съ ироніей. — Я не воображалъ, что леди Теобальдъ такъ хорошо обучила ее манерамъ.

— Она это искренно думаетъ, — сказала Октавія. — Вы, можетъ быть, этому не вѣрите, но это правда. Я умѣю отличить, когда люди говорятъ то, что они въ самомъ дѣлѣ думаютъ, и когда нѣтъ.

— Хотѣлъ бы я это умѣть, — сказалъ Барольдъ.

Октавія снова занялась своимъ вѣеромъ.

— Ну, я жду, — сказала она.

— Чего?

— Что вы мнѣ скажете, что я сдѣлала не такъ.

— Но, право, я не вижу, какое значеніе можетъ для васъ имѣть мое мнѣніе.

— Для меня можетъ имѣть нѣкоторое значеніе, именно теперь.

Два послѣднихъ слова привели его въ нетерпѣніе и можетъ быть раззадорили его немножко, такъ что онъ не вытерпѣлъ.

— Если ужъ вы непременно хотите принять за образецъ Люцію Гастонъ, — объявилъ онъ, такъ я скажу вамъ, что Люція Гастонъ по всей вѣроятности не выказала бы такой преувеличенной любезности нашему клерикальному другу.

— Преувеличенной любезности! — воскликнула она. — Да я просто на просто рыскала по саду и учила его играть въ крокетъ. Я не знала, что это называется преувеличенной любезностью.

— Люція Гастонъ никогда бы не сказала, что она „рыскала“ по саду.

Она немножко подумала.

— Вотъ это правда, — замѣтила она; — она бы этого не сказала. Если меня сравнить со здѣшними барышнями, то пожалуй и выйдетъ, что я Богъ знаетъ какъ выражаюсь.

Барольдъ не возражалъ, что заставило ее снова разсмѣяться.

— Вы боитесь мнѣ это сказать, — проговорила она. — Ну развѣ это неправда? Впрочемъ, это неособенно важно. Довольно и того, что леди Теобальдъ такъ думаетъ. Преувеличенно любезна, я!

— Кажется, вамъ это выраженіе особенно не нравится, — сказалъ онъ.

— О, напротивъ! Очень нравится. Это гораздо лучше и вѣжливѣе, чѣмъ если бы вы сказали — что я ужасно болтала и кокетничала.

— Развѣ вы кокетничали? — спросилъ онъ холодно.

Ему очень не нравились ея невозмутимость и спокойствіе.

Она была немножко озадачена.

— Вы очень похожи на тетю Белинду, — сказала она.

Онъ выпрямился. По его мнѣнью, между нимъ и миссъ Белиндой не могло быть никакого сходства. Она продолжала, не замѣчая его движенія.

— По-вашему, всякое слово имѣетъ какое-нибудь значеніе или важность. Вы говорите точь въ точь, какъ тети Белинда: что подумаютъ другіе? А мнѣ и въ голову не приходитъ, что кто-нибудь что-нибудь подумаетъ. Вотъ еще! Съ какой стати?

— Вы увидите, что подумают.

— Прекрасно — сказала она, бросая взглядъ на группу, собравшуюся подъ деревомъ.— Въ эту минуту тетя Белинда навѣрное думаетъ, что намъ слѣдуетъ идти къ ней, такъ ужь лучше пойдемте. Такъ выходить, что я была слишкомъ любезна съ мистеромъ Попльтономъ!

Когда всѣ распростились, Барольдъ пошелъ провожать Люцію домой, а мистеръ Бормистонъ и курать отправились вмѣстѣ вдоль по улицѣ.

Мистеръ Попльтонъ находился въ радостно-возбужденномъ настроеніи и сіялъ отъ удовольствія.

— Что за очаровательная особа миссъ Бассетъ!—воскликнулъ онъ, какъ только они вышли изъ калитки.—Что за восхитительное созданіе!

— Дѣйствительно, восхитительное созданіе, — сказалъ мистеръ Бормистонъ—очень серьезно.—Я не видывалъ дѣвушки красивѣе ея; и къ тому-же ея удивительные туалеты...

— О!—прервалъ мистеръ Попльтонъ въ величайшемъ конфузѣ.—Я...я говорилъ собственно про миссъ Белинду Бассетъ; хотя, впрочемъ, вы совершенно правы. Миссъ Октавія Бассетъ въ самомъ дѣлѣ... не менѣе... т. е. я хочу сказать еще болѣе, да, положительно... болѣе привлекательна, чѣмъ ея тетюшка.

— Да, — согласился мистеръ Бормистонъ, — пожалуй, что и такъ. Правда, она не такъ созрѣла; но время исправить этотъ недостатокъ.

— Въ ея манерѣ есть такая очаровательная веселость,—сказалъ мистеръ Попльтонъ;—такая чудная откровенность; такое остроуміе! Оно просто заразительно, просто... захватываетъ человѣка!

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, раздумывая объ этой веселости и откровенности, и затѣмъ снова разразился:

— И какъ она поразительно жила до сихъ поръ! Она мнѣ рассказывала ни мало, ни много, что однажды, въ дѣтствѣ, ей пришлось провести цѣлые мѣсяцы въ лагерѣ золотопромышленниковъ, гдѣ не было ни одной женщины. Она рассказывала, что эти люди были къ ней очень добры и баловали ее. Она насмотрѣлась самаго страннаго народу.

Между тѣмъ, Фрэнсисъ Борольдъ благополучно доставилъ Люцію подъ крылышки леди Теобальды, послѣ чего онъ отвѣдывая дамкамъ и оставилъ ихъ вдвоемъ. Надо признаться, что ея сіятельство положительно не могла взять въ толкъ, что такое сдѣлалось съ ея молодой внучкой. Она была увѣрена, что Люція никогда еще не имѣла такого вида, какъ теперь. Ея щеки были розовѣе обыкновеннаго, ея хорошенькая фигурка казалась какъ-то прямѣе, горделивѣе; ея глаза сіяли совершенно новымъ блескомъ. Она подошла къ дому весело смѣясь и болтая съ Фрэнсисомъ Барольдомъ, а когда онъ ушелъ, выказала необычайную непринужденность въ манерахъ и движеніяхъ.

— Онъ старался понравиться ей,—подумала миледи, не безъ удовольствія.— Это онъ очень даже можетъ, когда захочетъ; онъ именно изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые нравятся дѣвушкамъ: красивъ собой, и при этомъ властолюбивъ и избалованъ.

— Какъ ты провела время?—спросила она.

— Очень приятно, благодарю васъ,—сказала Люція.—Мнѣ никогда не было такъ весело.

— Да!—воскликнула миледи.—А въ какомъ-же изъ своихъ щегольскихъ нью-іоркскихъ платьевъ была сегодня миссъ Октавія Бассетъ?

Онъ сидѣли за обѣдомъ, и вмѣсто того чтобы установиться въ свою тарелку, какъ прежде, Люція твердо и спокойно взглянула черезъ столъ на миледи.

— На ней было сегодня прехорошенькое, блѣдно-коричневое платье,—сказала она.— И

сидить, какъ вылитое. Глядя на нее, я чувствовала себя очень плохо одѣтой, очень старомодной.

Леди Теобальдъ положила ложку.

— Глядя на нее ты чувствовала себя плохо одѣтой и старомодной! Ты!?

— Да,—отвѣчала Люція,—Какъ всегда. Воображаю, какими смѣшными кажутся ей наши Слоубриджскіе туалеты!—и она дерзнула даже улыбнуться.

— Ей кажутся смѣшными Слоубриджскіе туалеты! — воскликнула леди Теобальдъ.— Ей! Осмѣлюсь спросить, какое значеніе можетъ имѣть въ Слоубриджѣ мнѣніе молодой особы, пріѣхавшей изъ Америки... изъ Невады? Люція не торопясь проглотила ложку супа.

— Кажется, ея мнѣнію никакого значенія здѣсь не придають,—сказала она;—но я думаю, что ей нѣтъ до этого никакого дѣла. На ея мѣстѣ мнѣ бы не было дѣла. Мнѣ всегда казалось, что она должна быть очень счастливое существо.

— Тебѣ казалось, что она счастливое существо!—закричала миледи.—Ты можешь завидывать какой-то невадской барышнѣ, которая одѣвается, какъ актриса, и увѣшивается драгоценностями, какъ дикарка? Барышнѣ, которая такъ ведетъ себя съ мужчинами, что... что кровь стынетъ въ жилахъ, глядя на нее!...

— Мужчины очень восхищаются ею,—замѣтила Люція.—Гораздо больше, чѣмъ они восхищаются Лидіей Эгертономъ или мной.

— А ты, тоже восхищаешься ею?—вопросила миледи.

— Да, бабушка,—храбро сказала Люція.— Конечно.

Въ жизнь свою миледи не была такъ удивлена. Съ минуту она не могла ничего выговорить отъ изумленія. Опомнившись, она указала на дверь.

— Ступай въ свою комнату,—приказала она.— Кажется это ужь американская свобода рѣчи. Ступай въ свою комнату.

Люція послушно встала. Она невольно спрашивала себя, что предприметъ ея сіятельство, если она ослушается приказанія. Она чувствовала, что она способна дойти до этого. Черезъ нѣсколько минутъ, когда она стояла у окна своей спальни, ея щеки горѣли, а руки слегка дрожали.

— Кажется, это было очень плохо разграно, — думала она. — Даже навѣрно; но чтожъ дѣлать, привыкну. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе попробовать, способна ли я на это, что я не совсѣмъ точно все сообразила. Мнѣ слѣдовало подождать и высказаться ужь тогда, когда у меня будутъ болѣе прочныя основанія. Можетъ быть теперь поводъ былъ далеко недостаточный, и я вела себя гораздо враждебнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Октавія никогда не задирала другихъ. Боюсь, не была ли я черезъ чуръ дерзка. Октавія никогда не дерзка нарочно. Мнѣ нужно стараться сдерживать себя и быть главное хладнокровной и прямой.

Она посмотрѣла въ окно, и подумала.

— Въ концѣ концовъ, я была не особенно храбра, — призналась она себѣ.— Я такъ и не сказала, что мистеръ Бормистонъ былъ тамъ. Я не посмѣла. Неужели я такая трусиха? Похоже на то!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Загадочное убійство

Романъ Н. Грина.

(Съ англійскаго; продолженіе).

КНИГА I.

Загадка.

II.

Допросъ.

Послѣ внезапнаго перехода изъ темнаго корридора въ свѣтлую комнату, нѣсколько мгновеній я не могъ ничего различить, но мало по малу подробности роскошной гостиной привлекли мое вниманіе настолько же, насколько разнокалиберная толпа, присутствовавшая при допросѣ. Среди дышавшей изысканной роскошью обстановки, особенно бросались въ глаза слѣды привычекъ и занятій обыденной жизни: на раскрытомъ роялѣ лежали въ беспорядкѣ развернутыя ноты, и тутъ же былъ забытъ вѣтеръ и пара маленькихъ женскихъ перчатокъ.

Но болѣе всего меня поразили портретъ, висѣвшій на стѣнѣ какъ разъ напротивъ меня. Это было прелестное, поэтическое произведеніе первокласснаго художника: молодая, блѣлая, голубоглазая кокетка, въ костюмѣ первой имперіи, стоящая на лѣсной тропинкѣ и смотрящая черезъ плечо назадъ, точно поджидая кого-то; въ выраженіи ея кроткихъ глазъ и дѣтскаго ротика проглядывало, однако, нѣчто неумовимое, свидѣтельствовавшее, что красавица эта не совсѣмъ святая. Не будь этого открытаго платья, съ тальей почти подъ мышками и несвоевременной прически, я положительно принялъ бы ее за портретъ одной изъ племянницъ покойнаго. Какъ бы то ни было, я не могъ отвязаться отъ фантазіи, что которая-то изъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ смотритъ на меня изъ золотой рамки, съ повелительнымъ и вмѣстѣ просящимъ выраженіемъ.

Отъ картины, взглядъ мой перешелъ на окружавшихъ. Слѣдователь, со строгимъ, внимательнымъ и умнымъ лицомъ, сидѣлъ среди кучки присяжныхъ, съ самыми обыкновенными, будничными фizioноміями; въ дальнемъ углу толпилась дрожащая, испуганная прислуга, между тѣмъ, какъ сидѣвшій у столика тощій репортеръ судорожно строчилъ свою завтрашнюю хронику. Слѣдователь былъ мнѣ знакомъ; я часто встрѣчался съ нимъ и хорошо знаю его. Звали его Гэммондъ, и онъ слылъ за человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго ума и проницательности, вполне способнаго вести важные допросы съ необходимою ловкостью и умѣньемъ. Въ настоящемъ случаѣ, я могъ только порадоваться такому удачному выбору. Присяжные, какъ я уже сказалъ, не отличались ничѣмъ отъ обыкновенной уличной толпы, и только одинъ казался заинтересованнымъ; остальные равнодушно исполняли свою обязанность.

Первымъ былъ вызванъ извѣстный докторъ Мейнардъ. Свидѣтельство его относилось преимущественно къ роду раны въ головѣ убитаго. Нѣкоторые упомянутые имъ факты оказались впоследствии настолько важными, что я стараюсь передать его показаніе.

Сказавъ сначала, гдѣ онъ находился, когда за нимъ пришелъ слуга мистера Левенворта, докторъ заявилъ, что нашелъ покойнаго лежащимъ на постелѣ въ комнатѣ втораго этажа, съ запекшеюся кровью около маленькой раны на затылкѣ; повидимому, онъ былъ перенесенъ сюда изъ сосѣдней комнаты, спустя нѣсколько часовъ послѣ смерти. Это была единственная рана, и озондировавъ ее, докторъ

нашелъ и вынулъ пулю, которую онъ и передалъ присяжнымъ. Пулю эту онъ извлекъ изъ мозга; войдя въ голову, при основаніи черепа, она прошла наискось кверху и, поразивъ продолговатый мозгъ, причинила мгновенную смерть. Фактъ прохождения пули столь страннымъ путемъ, докторъ считалъ достойнымъ вниманія, такъ какъ только такимъ способомъ могла произойти смерть не только мгновенная, но и совершенно неподвижная. Затѣмъ, положеніе отверстія раны и направленіе пули ясно указывали на невозможность самоубійства, даже если бы состояніе волосъ вокругъ раны не свидѣтельствовало о томъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ сзади на разстояніи трехъ или четырехъ футъ. Принимая въ соображеніе уголъ, подъ которымъ пуля прошла въ черепъ, становилось очевиднымъ, что покойный не только сидѣлъ, — фактъ вполне неопровержимый, но и былъ погруженъ въ какое-то занятіе, протянувъ голову впередъ. Это видно изъ того, что прострѣлить голову прямо сидящаго человѣка, можно только опустивъ оружіе очень низко и держа его въ весьма неудобномъ положеніи; между тѣмъ, какъ человѣку, напр., пишущему, съ опущенной и протянутой впередъ головою, очень легко вцѣпить пулю въ мозгъ подъ упомянутымъ угломъ, только слегка согнувъ локоть при выстрѣлѣ.

На вопросъ о состояніи здоровья мистера Левенворта, докторъ отвѣчалъ, что, повидимому, покойный былъ совершенно здоровъ въ день смерти, но не будучи его домашнимъ врачомъ, онъ не можетъ дать болѣе подробныхъ показаній; и на замѣчаніе одного изъ присяжныхъ, сказалъ, что не видалъ никакого оружія ни на полу, ни въ другихъ комнатахъ.

Послѣ онъ прибавилъ, что, судя по положенію стола, стула и двери позади нихъ, убійца долженъ былъ сгнѣяться съ порога прохода, ведущаго въ сосѣднюю комнату. Также казалось несомнѣннымъ, что жертва даже не обернулась, услышавъ шаги своего убійцы; изъ чего вытекало ужасное заключеніе, что шаги были знакомы покойному и что присутствіе преступника въ комнатѣ было дѣломъ обыкновеннымъ.

Окончивъ допросъ доктора, слѣдователь взялъ положенную передъ нимъ на столѣ пулю и съ минуту задумчиво покатавъ ее въ рукахъ, вынулъ изъ кармана карандашъ, поспѣшно набросалъ на клочѣкѣ бумаги нѣсколько словъ, и подозвавъ полицейскаго, шепотомъ отдалъ ему какое-то приказаніе. Посмотрѣвъ на записку, полицейскій взялъ шляпу и вышелъ. Я сидѣлъ у окна и видѣлъ, какъ онъ поспѣшно кликнулъ кэбъ, вскочилъ въ него, и скоро исчезъ по направленію къ Бродвэй.

III.

Факты и выводы.

— Дворецкій здѣсь?—спросилъ между тѣмъ слѣдователь.

Прислуга въ углу зашевелилась, и изъ среды ихъ вышелъ ирландецъ, съ умнымъ лицомъ и напыщенной осанкой, и остановился передъ присяжными.

Слѣдователь, на котораго онъ произвелъ такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ насъ, немедленно приступилъ къ допросу.

— Ваше имя, мнѣ сказали — Томасъ Догерти?

— Да, сэръ.

— Давно-ли вы служите здѣсь?

— Теперь уже два года, сэръ.

— Вы первый нашли тѣло мистера Левенворта?

— Да, сэръ; я и мистеръ Гарвелль.

— Кто такой мистеръ Гарвелль?

— Частный секретарь мистера Левенворта, сэръ; тотъ, что всегда писалъ для него.

— Хорошо. Въ какое время дня или ночи сдѣлали вы ваше открытіе?

— Рано утромъ, сэръ; около восьми часовъ сегодня.

— Гдѣ?

— Въ библиотекѣ, сэръ; выйдя изъ спальни мы сломали дверь, безпокоясь, что мистеръ Левенвортъ не является къ завтраку.

— Вы сломали дверь; значить, она была заперта?

— Да, сэръ.

— Изнутри?

— Не умѣю сказать: въ двери не было ключа.

— Гдѣ лежалъ мистеръ Левенвортъ, когда вы нашли его?

— Онъ не лежалъ, сэръ. Онъ сидѣлъ у большаго стола въ срединѣ комнаты, спиною къ спальнѣ, наклонившись впередъ; голова была опущена на руки.

— Какъ былъ онъ одѣтъ?

— Точно такъ, какъ всталъ изъ-за обѣда наканунѣ.

— Были ли въ комнатѣ знаки борьбы?

— Нѣтъ, сэръ.

— Не было ли пистолета на полу или на столѣ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Можно ли думать, что дѣлю убійства былъ грабежъ?

— Нѣтъ, сэръ. Часы и кошелекъ мистера Левенворта оказались при немъ.

На вопросъ, кто былъ въ это время въ домѣ, онъ отвѣчалъ:

— Молодые барышни, миссъ Мэри Левенвортъ и миссъ Элеонора, мистеръ Гарвелль, кухарка Кэтъ, горничная Молли и я.

— Это обычная прислуга въ домѣ?

— Да, сэръ.

— Скажите, чья обязанность запираетъ на ночь двери?

— Моя, сэръ.

— Вы заперли вчера все, какъ всегда?

— Какъ всегда, сэръ.

— Кто отпиралъ двери сегодня?

— Я, сэръ.

— Какъ вы нашли ихъ?

— Точно также, какъ я ихъ оставилъ.

— Какъ, ни одна дверь и ни одно окно не были открыты?

— Нѣтъ, сэръ.

Въ комнатѣ была мертвая тишина. Казалось, всѣ были подавлены тягостной увѣренностью, что убійца, кто-бы онъ ни былъ, вышелъ изъ дому только послѣ того какъ отворили подъѣздъ. Какъ ни былъ я приготовленъ къ этому, все-таки я ощутилъ волненіе, и тщетельно вematривался въ лицо дворецкаго, стараясь найти въ немъ признаки страха или смущенія. Но онъ оставался невозмутимъ въ своей невинности и спокойно выносилъ устремленные на него испытующіе взоры.

На вопросъ, когда въ послѣдній разъ видѣлъ онъ мистера Левенворта, онъ отвѣчалъ:

— Вчера за обѣдомъ.

— Но кто нибудь видѣлъ его послѣ этого времени?

— Да, сэръ; мистеръ Гарвелль говоритъ, что онъ видѣлъ его въ половинѣ десятаго вечера.

— Какую комнату занимаете вы въ этомъ домѣ?

— Небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ.

— А гдѣ спятъ остальные члены семейства?

— Въ третьемъ этажѣ, сэръ, барышни въ большихъ заднихъ комнатахъ, а мистеръ Гарвелль въ маленькой передней комнатѣ. Прислуга спятъ наверху.

— Значить, мистеръ Левенвортъ жилъ со всѣмъ однимъ?

— Одинъ, сэръ.

— Въ которомъ часу легли вы спать?

— Около одиннадцати, должно быть.

— Не помните-ли, не слышали-ли вы какого-нибудь шума прежде или послѣ этого времени?

— Не слышалъ, сэръ.

— Такъ что утреннее открытіе было для васъ неожиданностью?

— Да, сэръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Живопись по атласу и шелку.

Въ настоящее время, съ возрожденіемъ искусствъ, живопись по атласу входитъ во всеобщее употребленіе. Подобныя произведенія чрезвычайно эффектны, исполняются легко и могутъ имѣть самое разнообразное примѣненіе. Рисунки эти преимущественно пригодны для ширмъ, экрановъ, вѣровъ, столиковъ и отдѣлокъ для платьевъ. Самые изысканные придворные туалеты разрисовываются вѣтками цвѣтовъ; и дамы начали украшать маленькими букетами даже свои длинные лайковые перчатки, подъ стать костюму.

Сообщаемъ нѣсколько подробностей, касающихся этого искусства.

Краски употребляются слѣдующія:

Жидкія: карминъ, берлинская лазурь, баканъ.

Полужидкія: жженая сіенна, вердегри, умбра.

Густыя: бѣлила, венеціанская красная, кобальтъ, вермильонъ, желтый хромъ №№ 1, 2, 3.

Для начала—этихъ красокъ достаточно. Они приготовлены въ жестяныхъ трубочкахъ и продаются въ худож. магазинахъ. Нужны также: бутылка скипидара, деревянная палитра, шпатель и нѣсколько кистей №№ 3 и 4.

Атласъ можетъ быть на бумажной основѣ, но чѣмъ тоньше ткань, тѣмъ лучше выходитъ рисунокъ. Умѣющій рисовать можетъ просто взять цвѣтокъ и воспроизвести его, что, конечно самое лучшее; для не художниковъ же моделями могутъ служить узоры для вышивокъ. Жимолость, жасминъ, маргаритки, яблоня и другіе цвѣты съ преобладающими бѣлыми и желтыми оттѣнками, всегда прекрасно выйдутъ на черномъ атласѣ. Положимъ, нужно нарисовать цвѣтущую яблоневую вѣтку.

На палитру изъ трубочки выжимается немного кармина и большое количество бѣлилъ— для цвѣтовъ; вердегри, желтый хромъ, жженая сіенна и берлинская лазурь идутъ для зеленыхъ листьевъ. Слѣдуетъ начинать бѣлилами съ самаго свѣтлаго мѣста, прибавляя немного скипидара; покуда рисунокъ еще не высохнетъ, на лестки цвѣтовъ,—гдѣ нужно,—прибавляется немного кармина, смѣшаннаго съ бѣлилами; для чашечки употребляется вердегри съ желтымъ хромомъ; для тычинокъ—оранжевый хромъ. Затѣмъ, на листья краска накладывается самыми тонкими слоями, по направленію каждаго отдѣльнаго листа, а не однимъ общимъ слоемъ на всю зеленую часть растенія, какъ это дѣлается при рисованьи акварелью. Для того чтобы изобразить нижнюю плоскость листа, къ зеленой краскѣ примѣшивается немного бѣлилъ. Стебель рисуется умброй, смѣшанной съ бѣлилами, стеблевые узлы и утолщенія— жженой сіенной. Не слѣдуетъ употреблять много скипидара съ красками, но въ немъ непременно нужно вымывать кисти послѣ употребленія. Это весьма важно, такъ какъ къ невымытымъ кистямъ присыхаетъ краска, разъединяющая волоски кисти.

Для ширмъ и экрановъ хороши слѣдующіе рисунки:

Зимородокъ, летящій надъ озеромъ, поросшимъ водяными лиліями, съ камышомъ на заднемъ планѣ; аисты на берегу озера, и вокругъ большіе желтые косатики; желтая иволга, летящая къ блѣдногубой вѣткѣ встаріи.

Красный макъ или пурпуровыя климашиты весьма эффектны для пуфовъ.

Рисунки акварелью, хотя менѣе красивы, нежели рисунки масляными красками, но они имѣютъ свои преимущества. Съ акварелью меньше хлопотъ, и никогда нѣтъ запаха, между тѣмъ какъ масляныя краски въ сырую погоду пахнутъ очень непріятно. Въ сухой, ясный день, при открытыхъ окнахъ, запахъ незамѣтенъ, но въ сырость онъ становится весьма ощутителенъ. Рисовать масляными красками на шелкѣ такъ же легко, какъ на атласѣ, но лучше чтобы шелковая матерія предварительно была проклеена. Рисунки акварелью, нужно употреблять какъ можно больше китайскихъ блѣдиль, которые продаются флаконами и держатся гораздо дольше блѣдиль въ трубочкахъ. Небольшое количество лаку, прибавленнаго къ краскамъ, весьма оживляетъ общій видъ.

Вѣрный артистическій глазъ, отчетливость исполненія и настойчивость въ работѣ, могутъ довести до совершенства это полезное искусство. Оно развивается въ насъ, въ то же время, любовь къ изящному, которая облагораживаетъ и возвышаетъ умъ, и открываетъ намъ обширное поле духовныхъ наслажденій.

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ ДОБРЫМЪ СУДОМЪ.

Кротость есть медь женщинъ. (А. Баста).

Во все времена, только грубѣйшіе народы не признавали правъ женщинъ и держали ихъ въ униженномъ рабствѣ. (Алек. Мейеръ).

Въ противоположность мужчинамъ, женщины пишутъ многое такое, что онѣ никогда не осмѣлились бы высказать. (П. Ж. Сталь).

Вспышки женщины всегда бываютъ доказательствомъ сильной любви. (Проперцій).

СМѢСЬ.

Парижане стараются какъ можно болѣе разнообразить свои вечера и обѣды. Такъ въ одномъ фешіонбельномъ домѣ, на Святой; во время танцевъ произошла забавная сцена. Въ самый разгаръ вечера, двое лакеевъ внесли въ залу чудовищное яйцо, покоившееся на листьяхъ. Яйцо было все изъ цвѣтовъ—лілій, розъ и фіалокъ. Внезапно оно отворилось, и каждая вальсировавшая дама брала изъ него по маленькому атласному яичку, съ флакономъ духовъ, таблетками изъ слоновой кости или какимъ нибудь другимъ сюрпризомъ въ серединѣ. Когда большое яйцо опустѣло, наступила очередь мужчинъ. Послышалось громкое кукурканье, и громадный пѣтухъ, роль котораго взялъ на себя одинъ изъ приглашенныхъ молодыхъ людей, вошелъ въ залу, хлопая крыльями и возбуждая всеобщую веселость своимъ видомъ и голосомъ. По данному знаку, танцующіе образовали вокругъ него кругъ; пѣтухъ взмахнулъ крыльями, и въ пользу кавалеровъ посыпался дождь сигаръ, перьями яркихъ лентами.

Россия и луна. Парижская газета «Gaulois» напоминаетъ слѣдующій анекдотъ, представляющій интересъ въ виду нынѣшнихъ событий. Это было во время междунациональнаго географическаго конгресса въ Парижѣ. Вечеромъ у Тьера собрался небольшой интимный кружокъ. Бывшій президентъ французской республики сидѣлъ на диванѣ между русскимъ посломъ, княземъ Орловымъ, и представителемъ Англии, лордомъ Лайонсомъ. Въ это время входитъ г. Лессепсъ и говоритъ князю Орлову: «Любезный князь, я олько что председательствовалъ на географическомъ конгрессѣ и при этомъ имѣлъ счастье воздать должное русскому делегату. Карты, ко-

торыя мы получили отъ него, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ картъ, присланныхъ конгрессу. Вы можете упомянуть объ этомъ въ своемъ донесеніи». «Вашимъ словамъ я придаю тѣмъ большую цѣну—отвѣчалъ князь Орловъ г. Лессепсу—что владѣнія Россіи занимаютъ огромное пространство; но наши офицеры генеральнаго штаба—большіе труженники». «Поверхность Россіи равняется поверхности луны», возразилъ въ шутовскомъ тонѣ г. Лессепсъ. «Съ тою только разницею,—прибавилъ ехидно лордъ Лайонсъ,—что поверхность луны остается неизмѣнной, тогда какъ поверхность Россіи постоянно увеличивается».

Женская хроника.

Въ парижской медицинской школѣ въ этомъ году 78 студентовъ, на 33 больше прошлаго года. Изъ нихъ 46 русскихъ, 14 французенокъ, 11 англичанокъ и 3 американки.

Въ Парижѣ, великобѣтскія дамы ввели въ моду различныя рукодѣлья. Такъ, графиня Поточкая занимается плетениемъ кружевъ, и довела свое искусство до совершенства. Она даже выписала изъ Оверни учительницу, крестьянку, и до такой степени осыпала ее милостями, что эта женщина сдѣлалась предметомъ зависти своихъ землячекъ. Вышивка гладью есть специальность герцогини Тервиевъ, по примѣру принцессы Бово, бывшей первой вышивальщицей во Франціи. Княгиня Чарторижская равно занимается вышиваніемъ и плетениемъ кружевъ. Другія дамы, съ графиней Болинкуръ во главѣ, дѣлаютъ искусственные цвѣты, и для своихъ занятій собираются въ оранжерею которой нибудь изъ нихъ, чтобы копировать свои произведенія прямо съ натуры.

Кронпринцесса Стеванія, посѣтившая съ супругомъ Цетинье, столицу Черногоріи, получила въ подарокъ отъ княгини Милены черногорскія женскія костюмы, замѣчательныя изяществомъ и богатствомъ. Сверхъ великолѣпной кружевной рубашки надѣвается пурпуровая бархатная курточка, расходящаяся спереди и роскошно вышитая золотыми и серебряными арабесками. Бѣлый, расшитый золотомъ, безрукавный плащъ, широкими складками падающій до щиколки, темная фаяловая юбка и изящный рѣзной серебряный поясъ съ фиграновыми и гранатовыми украшениями дополняютъ костюмъ, надъ вышивкой котораго лично трудилась черногорскія княжна Стана и Милица.

Близъ Кракова, въ помѣстьѣ Кимсковце недавно умерла трагической смертью нѣкая княгиня Августа Монлеаръ, близкая родственница австрійскаго, саксонскаго и итальянскаго царственныхъ домовъ. Причуды ея обращали на себя общее вниманіе. Она жила въ своихъ помѣстьяхъ отчужденно отъ свѣта, и крайне странно. Несмотря на ея громадное богатство, все въ ея домѣ носило слѣды недостатка. Ни малѣйшей роскоши нельзя было встрѣтить въ ея помѣщеніи, каждый предметъ былъ сдѣланъ изъ самаго простаго матеріала, и обѣды княгини ничѣмъ не отличались отъ обѣды бѣднаго крестьянина. Въ Краковѣ она вѣдила въ обыкновенной мужицкой телѣгѣ и бродила по улицамъ въ истертомъ платьѣ, сгорбившись, настоящее олицетвореніе глубокаго горя и нищеты. Ея нищенская наружность иногда навлекала на нее непріятности; такъ, однажды, зайдя къ банкиру размянуть крупную денежную бумагу, она была арестована, какъ воровка. Но скупая къ самой себѣ, княгиня щедрою рукою раздавала деньги нуждающимся, и въ своихъ помѣстьяхъ была истинно добрымъ гениемъ; строила больницы и школы, наблюдая за ходомъ ученія и правильнымъ посѣщеніемъ классовъ дѣтми. Отъ своихъ служащихъ она требовала такой же строгости въ образѣ жизни, которой примѣромъ служила сама, и неповиновеніе часто бывало у нея причиною сильныхъ вспышекъ гнѣва, жертвою котораго наконецъ и сдѣлалась 62-хъ-лѣтняя княгиня. Поспоривъ со слугою, она выстрѣлила въ него изъ револьвера, причемъ тотъ упалъ на полъ, дѣлая видъ, что убитъ. Испуганная княгиня направила револьверъ себѣ въ високъ и убила себя наповалъ. По вскрытіи, врачи нашли причину ея экзентричности, констатировавъ размяченіе мозга. Давно тому назадъ написаннымъ духовнымъ завѣщаніемъ, между прочими пожертвованіями, покойная отдала 50 тысячъ гульденовъ на университетскія стипендіи для крестьянскихъ дѣтей. Свои фамильныя украшения и другія драгоценности она завѣщала королевѣ итальянской Маргаритѣ.

Представленіе молодыхъ англичанокъ королевѣ Викторіи хотя очень большая честь, но она покупается многочисленными жертвами. За долго до перваго приема при дворѣ (такъ наз. «drawing room») въ англійскихъ газетахъ на видномъ мѣстѣ появляются объявленія

госпожи такой-то и такой-то, предлагающихъ молодымъ дѣвушкамъ, готовящимся къ первому приѣзду во дворецъ, свои услуги для обученія ихъ надлежащему церемониалу. Эти профессорскія этикетки принадлежатъ къ лучшему лондонскому обществу, и къ ихъ роскошнымъ помѣщеніямъ въ фешіонбельныхъ кварталахъ цѣлый день подкапываются богатые экипажи съ кровными лошадьми и расшитыми и напудренными лакеями. Дѣвушки, съ гувриантами или компаньонками, нагруженными большими узлами, спѣшатъ вверхъ по лѣстницѣ, гдѣ ихъ принимаетъ «помощница» и отводитъ въ уборную. Здѣсь изъ таинственнаго узла появляется старый пожелтый шлейфъ, матери или нарочно сдѣланный для этого случая шлейфъ изъ какой нибудь матеріи, и молодая миссъ немедленно облачается въ него, хотя подобный костюмъ далеко не изященъ и нисколько не граціозенъ. Двери въ особую комнату распахиваются настежь, и помощницы приветствуютъ вошедшую глубокими поклонами. У противоположной стѣны, на подмосткахъ усталыхъ коврами, стоитъ кресло, изображающее тронъ королевы. Дѣвушка дѣлаетъ три глубокіе поклона, подходитъ къ трону и постоявъ нѣсколько секундъ, снова съ поклонами возвращается въ уборную. Уроки эти продолжаютъ двѣ или три недѣли, подъ руководствомъ учительницы, пока молодая миссъ, изнемогающая подъ тяжестью безконечнаго шлейфа, вполне усвоитъ все тонкости придворныхъ поклоновъ и манеръ, за какое-удовольствіе она платитъ отъ 10 до 25 гиней. Одно-временно съ этими упражненіями, идутъ совѣщанія о туалетѣ. На консультацію приглашаютъ madame Элизъ, madame Луизъ и какую нибудь иную знаменитую французенку, портниху фешіонбельнаго Лондона. После многочисленныхъ и разнообразныхъ примѣровъ, наконецъ костюмъ готовъ; стоимость его около 100 гиней. Наступаетъ день приема. Все парикмахеры заняты съ ранняго утра; чтобы успѣть убрать голову, многія садятся передъ зеркаломъ съ восьми часовъ, представляя свои волосы въ распоряженіе артиста куафера. Двери Букингамскаго дворца отворяются только въ три часа, но экипажъ съ молодой дѣвушкой и ея «chaperonne», долженствующей представить ее королевѣ, съ полудня дожидается въ безконечномъ ряду ея прибывающихъ каретъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія и волненія, дѣвушка приближается къ дверямъ зала, гдѣ на тронѣ возсѣдаетъ королева, окруженная блестящей свитой. Дежурный камергеръ громко возглашаетъ имя и титулъ дѣвушки и ея спутницы; послѣ трехкратнаго поклона, обѣ подходятъ къ трону, королева отвѣчаетъ на привѣтствіе—представленіе кончено! Однако, сознание свиданія съ королевой лицомъ къ лицу имѣетъ огромную важность въ глазахъ 16—17 лѣтней леди.

КУХНЯ.

Французск. супъ безъ масла. Нарѣжьте хлѣбъ тонкими ломтиками и положите ихъ въ суповую миску. Сверхъ нихъ насыпьте слой очень мелко изрубленнаго кервеля, соли и шесть ложекъ густыхъ сливокъ, вскипятенныхъ въ водяной ваннѣ, затѣмъ налейте въ миску кипяткомъ. Этотъ превосходный супъ весьма вкусенъ и полезенъ.

Телячьи ножки изъ la polette. Опалите и тщательно вычистите ножки, выньте крупныя кости, положите въ кастрюлю съ кускомъ свѣжаго масла и поставьте на легкой огонь; когда масло растопится, прибавьте ложку муки, обвалите хорошенько ножки въ муку и масло, смочите бульономъ; посыпьте солью и перцемъ, прибавьте нѣсколько маленькихъ луковичъ и шампиньоновъ и поставьте на легкой огонь на $\frac{3}{4}$ часа. Выжавъ сокъ изъ половины лимона, сдѣлайте изъ него соусъ съ тремя желтками, разведенными двумя ложками густыхъ сливокъ.

Рецептъ зеленого соуса. Очишите пучокъ кервеля, петрушки, эстрагона, бедренца и посѣвнаго кресса, хорошенько вымойте эти травы, вскипятите, остудите въ холодной водѣ и истолките съ четырьмя крупными яичными желтками и двумя анчоусами; протрите сквозь рѣшето, облейте это пюре оливковымъ масломъ и лимоннымъ сокомъ, приправьте по вкусу и подавайте. Соусъ годится для холодной рыбы и холоднаго мяса.

Жареная говядина. Большой кусокъ мяса отъ реберъ или отъ бедра, немного колотятъ, вынимаютъ кости, и связавъ ниткой, кладутъ въ кастрюлю, гдѣ предварительно поджаренъ шинкованный шпикъ съ масломъ, ставятъ на огонь, и поджариваютъ со всѣхъ сторонъ. Въ кастрюлю затѣмъ кладутъ 2 луковицы, немного розмарину, 1 морковь, соли, вливаютъ $\frac{1}{2}$ литра бѣлаго вина и накрываютъ кастрюлю плотной крышкой, полною раскаленныхъ угольевъ такъ что мясо поджаривается разомъ сверху и снизу. Отъ времени до времени подливаютъ немного вина. Когда мясо готово, подаютъ на столъ, обложивъ блюдо небольшими рѣпками.

◆◆◆◆◆ Раскрашенная картина № 13 будетъ приложена при № 20. ◆◆◆◆◆

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе неполученія изъ Парижа раскрашенной картины № 13, она будетъ приложена къ № 21.